

М.В. СКРЖИНСКАЯ

МИФЫ О ГЕРОЯХ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Знание множества мифов, как местных, так и известных во всем античном мире, было естественным и необходимым для всех эллинов. Они черпали свои знания из устных рассказов и литературных произведений разных жанров, а внешний облик мифических героев у них складывался на основании множества изображений, украшавших общественные здания, храмы и прилежавшие к ним священные участки теменосы, а также частные дома. Поэтому при изучении истории любого древнегреческого государства важно представить круг популярных там мифов. Ведь их состав имел свои особенности в каждом полисе греческой ойкумены.

Для современного изучения мифов важны любые их реликты; к ним в первую очередь относятся отраженная в письменных памятниках словесная традиция и образы, запечатленные в искусстве, а также описания религиозных ритуалов (Надь, 2002, с. 186-187). Ученые чаще всего рассматривают мифологию в контексте изучения религии. Среди научных трудов об античных государствах Северного Причерноморья имеется немало подобных работ. В религиозных верованиях мифы, безусловно, занимали видное место, но они охватывали гораздо более широкий пласт жизни, чему до сих пор не уделялось достаточного внимания. Поэтому вне поля зрения исследователей осталось немало важных источников относительно мифологии на северном краю греческой ойкумены, и в первую очередь это касается изобразительного искусства.

На ранней стадии развития общества мифотворчество пронизывало все стороны жизни людей. Они с помощью мифов осмысливали окружающий мир, выражали в фольклорных произведениях коллективные представления, свои стремления и мечтания. По определению Ф.Х. Кессиди, «мифология – это своеобразное видение мира, особый тип представлений об окружающей действительности, в которых реальное сливается с фантастическим» (Кессиди, 1972, с. 51). Время появления греческих колоний на Черном море совпало с началом возникновения научного и философского осмысления мира, однако мифологическое восприятие окружающей среды еще долго продолжало играть огромную роль в широких массах населения. Неудивительно, что на своей новой родине, особенно в архаический и классический периоды, эллины создавали новые мифы.

Несмотря на развитие таких форм мышления, при которых подверглась сомнению реальность существования фантастических существ и ослабела вера в невероятные деяния мифических персонажей, мифы продолжали составлять важнейшую часть культуры. Ведь у эллинов, больше чем у других древних народов, мифология влияла на художественное творчество. Она давала пищу для эпоса, служила источником сюжетов поэтических и прозаических произведений разных жанров, вдохновляла живописцев и скульпторов. В любом греческом государстве все его жители постоянно встречались с мифическими персонажами. Обучение даже в начальной школе включало запоминание наизусть отрывков из эпических поэм, повествовавших о деяниях богов и героев. Сюжеты мифов служили основой многочисленных пьес, исполнявшихся в театрах множества греческих городов, участники праздничных религиозных шествий зачастую перевоплощались в мифологических персонажей; статуи богов и героев, а также картины и мозаики на мифологические темы украшали доступные всем культовые и общественные здания.

На протяжении всей античности предания о древних героях находились в ряду наиболее популярных мифов. Как правило, это были храбрые воины, совершавшие множество подвигов при жизни, а после смерти они оставались защитниками земли, где покоились их останки, и поэтому в их честь проходили религиозные церемонии (Нильссон, 1998, с. 27). Слава некоторых героев вышла далеко за пределы их малой родины. В первую очередь это относится к Ахиллу и Гераклу. Об их деяниях знали все эллины, но далеко не в каждом городе существовал культ этих героев. Это прекрасно видно на примере наших знаний о Геракле и Ахилле в разных государствах Северного Причерноморья.

Ахилл

Мифы об Ахилле, связанные с островом Левкой и окрестностями Ольвии, принадлежат к древнейшему пласту сказаний о землях, на которых появились самые северные греческие колонии. Многие античные авторы включили в свои сочинения краткое содержание этих сказаний. Их тексты тщательно проанализированы в книге И.И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте» (Петроград, 1918). Этот труд до сих пор остается наиболее глубоким и обстоятельным исследованием о фольклоре греков, живших в Северном Причерноморье, хотя некоторые утверждения ученого уже не отвечают современным научным изысканиям. Книгу И. И. Толстого непременно используют все так или иначе затрагивающие тему о сказаниях об Ахилле и его культе в Причерноморье. Однако в отличие от И. И. Толстого, эти исследователи не изучают мифы с точки зрения их фольклорных корней и особенностей мифологического мышления эллинов. Вопрос же о знании общегреческих мифов об Ахилле в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре вообще оказался вне поля зрения

тех, кто занимается историей и культурой северных греческих колоний. В этой работе предпринята попытка развить именно такие малоизученные темы.

Каждый эллин помнил достаточно подробно многие предания о жизни главного героя Троянской войны. Ведь гомеровские и другие эпические поэмы входили в круг сочинений, которые учили в школе, а на сценах театров шли пьесы на сюжеты разных эпизодов из жизни Ахилла (Грaбарь-Пассек, 1966, с. 267). В этих произведениях рассказывалось о его рождении, о воспитании у мудрого кентавра Хирона, о жизни в юности среди дочерей царя Ликомеда на острове Скиросе. Конечно, подробнее всего описывались его военные подвиги, распря с Агамемноном и смерть от стрелы Париса. Письменные источники и памятники изобразительного искусства дают представление о знании этих сюжетов на северных берегах Понта Евксинского.

В Северном Причерноморье ольвиополиты более других колонистов почитали Ахилла, о чем известно по многочисленным лапидарным надписям и граффити (Русяева, 1992, с. 71-76). Дион Хрисостом, посетивший Ольвию в конце I в. н. э., в своей «Борисфенитской речи» утверждал, что жители Ольвии предпочитали Гомера всем другим поэтам и особенно любили его стихи об Ахилле, который служил им образцом доблестного воина. В то время это было особенно актуально, так как ольвиополитам постоянно приходилось отражать нападения соседних варварских племен (Dio. Chrys. XXXVI, 10, 14, 38).

Изображения Ахилла появились в Северном Причерноморье уже в архаический период. Они встречались на росписях привозных ваз (№ 2), а статуи героя помещали в его святилища. Древнейшее из них находилось на острове Левка, лежавшем близ устья Дуная (совр. остров Змеиный); там выходцы из Милета построили храм уже во второй половине VI в. до н. э. (Охотников, Островерхов, 1993, с. 25), а патронат над островом осуществляли ольвиополиты вплоть до конца эллинистического времени. Возможно, одновременно со святилищем на острове появилась примитивная деревянная статуя героя, ксоан, как греки называли такие изваяния. Об этом ксоане старинной работы ($\xi\beta\alpha\nu\omicron\nu\ \tau\eta\varsigma\ \pi\alpha\lambda\alpha\iota\varsigma\ \rho\upsilon\alpha\sigma\iota\alpha\varsigma$) написал Арриан в своем «Перипле Понта Евксинского», сославшись на утверждения очевидцев (гл. 32).

Начиная с IV в. до н. э., греки соотносили внешний вид героя со знаменитой бронзовой статуей Поликлета, известной сейчас под названием Дорифор (копьеносец). Статуя обнаженного идеально сложенного юноши с большим копьем в руке в античности была, пожалуй, наиболее прославленным изображением Ахилла. Обращаясь к образу образцового героя, Поликлет воплотил в нем выработанное самим ваятелем представление об идеальном облике молодого человека, о чем скульптор написал в трактате «Канон». Поликлет не случайно избрал Ахилла для своего «Канона», потому что все помнили определение Гомера, назвавшего Ахилла самым красивым из героев Троянской войны (II. II, 674; Plat. Symp. 180 a). Сохранилось более пятидесяти копий Дорифора

(рис. 1), который служил эталоном для творчества многих мастеров (Трофимова, 1998, с. 184-185, рис. 69; LIMC. Bd. 1, 1981, S. 196, № 908). Такие копии нередко ставили в гимнасиях и называли из «ахилловыми фигурами» (Plin. NH. XXXIV, 18: placuere et nuda tenentes hastam ab epeborum e gymnasii exemplaribus, quas Achilleas vocant). Весьма вероятно, на острове Левке подобный облик имела статуя Ахилла, упомянутая Павсанием (III, 19, 11). По видимому, ее изображением является воин с копьем, отчеканенный во II в. н. э. на монетах Ольвии (№ 11) и других западно-понтийских городов (Жарышковский, 1986, с. 32). Возможно, вольная копия скульптуры Поликлета находилась также на Ахилловом Дроме (совр. Тендровская коса близ устья Днепро-Бугского лимана), где ольвиополиты построили святилище героя и учредили игры в его честь (IOSPE I². 34).

На рубеже VI-V вв. до н. э. в Ольвию привезли чернофигурный килик (№ 2; рис. 2)¹ с часто встречающейся на архаических вазах сценой передачи Пелеем маленького Ахилла на воспитание мудрому кентавру Хирону (LIMC. Bd. 1. 1981. S. 124. № 20-42). Несколько эпизодов из жизни юного Ахилла нередко украшали мраморные саркофаги римского времени (Трофимова, 1998, с. 194, рис. 92-94). Один из них находился в некрополе Мирмекия (№ 10). Богатый боспорянин приобрел это выдающееся произведение афинского скульптора во второй половине II в. н. э.

Декор саркофага сохранился не полностью, но утраты можно восстановить по аналогиям (Саверкина, 1962, с. 247-263). На правой боковой стенке было изображено обучение Ахилла у кентавра Хирона, а на левой стенке представлена сцена прощания с Ликомедом перед отправлением на Троянскую войну. Лучше других уцелели рельефы на передней стороне с фигурами Одиссея, Дикомеда и Ахилла в женской одежде с веретеном в руках. Это иллюстрация мифа о том, как Фетида, зная предсказание о том, что сын непременно погибнет, если пойдет на войну, спрятала его под видом девочки на острове Скиросе у царя Ликомеда; там он воспитывался среди царских дочерей и своим видом и одеждой не отличался от них. Одиссей отправился на поиски Ахилла, потому что, согласно пророчеству, без его участия невозможно было выиграть Троянскую войну. На просьбу Одиссея указать, где находится Ахилл, Ликомед предложил обыскать его дворец. Чтобы узнать юношу, Одиссей разложил перед царевнами драгоценности, ткани и оружие и предложил выбрать подарок. В это время протрубил сигнал военной тревоги, Ахилл схватил оружие и таким образом выдал себя (Apollod. III, 13, 8; Ovid. Met. XIII, 162; Hyg. Fab. 96).

Прославленная картина Полигнота на эту тему (Paus. I, 22, 6) и трагедия Еврипида «Скирянки» способствовали популярности упомянутого мифа в греческом мире, в том числе и в Северном Причерноморье. В качестве косвенного

---

¹ См. каталог в конце статьи.

свидетельства для этого можно привлечь золотые рельефы на трех парадных горитах из скифских курганов IV в. до н. э. Эти изделия греческого мастера попадали к скифам через посредство Ольвии или Боспора. В центре верхнего фриза, совершенно одинаково украшенных горитов, представлены сцены узнавания Ахилла среди дочерей Ликомеда и прощание героя с царем перед отправлением на войну. По-видимому, здесь ювелир воспроизвел композицию по картине Полигнота (Черненко, 1981, с. 78-83).

К циклу мифов об Ахилле следует отнести также изображения его родителей: фессалийского героя Пелея и nereиды Фетиды. Таковы сцены борьбы жениха с nereидой, которая не желала стать женой смертного человека и превращалась в разных животных (Apollod. III, 13, 5), а также излюбленные мастерами эллинистического времени фигуры Фетиды и ее сестер nereид, везущих новое оружие Ахиллу. Это иллюстрация к восемнадцатой песне «Илиады», повествующей о том, что Ахилл отдал свои доспехи Патроклу, а после его убийства Гектор завладел доспехами; тогда Фетида заказала Гефесту новое вооружение для сына.

Борьба Пелея и Фетиды изображена на золотом браслете из кургана Куль-Оба (№ 3) и на двух киликах из Борисфена и Пантикапея (№ 1, 4). Ювелир и вазописец представили, как Фетида превращалась во льва, лань и змею. Фетида с изделиями Гефеста в руках, едущая на морском коне гиппокампе, изображена на терракоте из Ольвии (№ 5) и на рельефах парных золотых подвесок из кургана Большая Близница на азиатской стороне Боспора: на одной подвеске в руках у богини панцирь, а на другой – поножи (№ 7; рис. 3). Саркофаг из некрополя Горгииппии (№ 9) и золотые серьги из кургана Куль-Оба (№ 6) украшают фигурки nereид, плывущих на гиппокампах и морских драконах, они везут разные предметы вооружения, в частности, изумительный щит, подробно описанный Гомером. Во II в. до н. э. явно с Боспора попали в погребение сарматского вождя серебряные блюда, украшенные медальонами с тем же сюжетом (Karoshina, 1963, p. 257-258, tab. 32].

Изображения Ахилла и иллюстрации мифов о нем исчерпываются немногими перечисленными изображениями, найденными в Северном Причерноморье, круг которых вряд ли существенно можно расширить. Этот факт трудно объяснить; особенно удивительно, что среди интересующих нас памятников так мало происходит из раскопок Ольвии, где почитание героя было особенно широко распространено. При этом нам прекрасно известно, что художники и скульпторы на протяжении всей античности постоянно обращались к разным сюжетам из жизни героя; достаточно сказать, что в «Иконографическом словаре классической мифологии» перечислено более девятисот таких произведений (LIMC, Bd. 1, 1981, S. 37-200, Taf. 56-145).

К общеизвестному циклу о жизни и подвигах Ахилла уже в архаический период присоединились сказания о загробной жизни героя на острове Блаженных,

называемом также Левкой, то есть Белым. В древнейших сказаниях души героев переселялись на некий остров Блаженных, лежавший где-то в безбрежных просторах Океана, омывающего всю Землю. Этот сказочный остров, усеянный золотыми цветами (Pind. Ol. II, 72), был населен исключительно белыми, бесцветными духами героев; возможно, от этого представления остров получил свое наименование Белый. Среди обитателей острова Блаженных античные авторы называли наряду с Ахиллом его отца Пелея, Патрокла, Аякса, Орфея, Кадма и других героев (Hes. Op. 170-171; Pind. Ol. II, 71-80; Plat. Symp. 179 e; Dion. Perieg. V, 545-547; Paus. III, 19, 13). Упоминание Кадма, принадлежавшего к старшему поколению героев, показывает, что народная фантазия с глубокой древности награждала героев безмятежной жизнью в потустороннем мире на сказочном острове. Такая фольклорная традиция обновлялась в разных мифах до конца архаического периода. Например, в Афинах в начале V в. до н.э. родилось подобное предание о Гармонии, убившем афинского тирана Гиппарха; за этот подвиг он заслужил посмертное пребывание на острове Блаженных вместе с Ахиллом (Schol. Arist. Ach. 980; Hesych. s. v. Harmodiou melos).

Подобное фольклорное представление о награде за подвиги после смерти легло в основу мифов об Ахилле на Белом острове. В эпической поэме «Эфиопида» описывалась гибель Ахилла после того, как он разбил войско эфиопов, пришедших на помощь троянцам. В древности авторство этой поэмы, основанной на народных преданиях, приписывали уроженцу Милета Арктину, жившему в VIII-VII в. до н. э. По словам поэта, Фетида похитила из костра тело сына и унесла его на Белый остров (Procl. Chrest. I, 2), который тогда еще не отождествлялся с определенным географическим пунктом (Толстой, 1918, с. 8-10).

В VII в. до н. э. на западных и северных берегах Черного моря появились первые милетские поселения. Греческие корабли, следуя к проливам, ведущим в Понт Евксинский, шли мимо мыса Сигей, где на берегу высился курган с могилой Ахилла (Hom. Od. XXIV, 73-84). Тогда вспоминались стихи из эпических поэм о погребении героя и о переселении его души на остров Блаженных. Первые милетские мореходы еще не знали, что открывшееся за перед ними море за Боспором Фракийским представляет замкнутое водное пространство, а думали, что попали в Океан, омывающий сушу. Он встретил их частыми бурями и отсутствием островов, столь щедро рассыпанных в привычных водах Средиземноморья. Наконец, был открыт безлюдный маленький островок, оказавшийся на их пути вдоль западного черноморского побережья, и его приняли за затерянный в Океане остров Блаженных. В античной литературе об этом сохранились лишь отрывочные сведения. Основываясь на каком-то сочинении о древних топонимах, Плиний Старший записал, что черноморская Левка именовалась также Ахилловым островом и островом Блаженных (IV, 93). Сейчас этот остров называется Змеиным; он лежит недалеко от устья Дуная.

Постепенно осваивая западное, а затем северное побережье Черного и Азовского морей, милетяне в VII-VI вв. до н. э. сначала основали там несколько эмпориев, а позже много колоний. Первым греческим поселением в Северном Причерноморье стал Борисфен, получивший свое название по находившейся невдалеке крупнейшей реке. Согласно «Хронике» Евсевия (Chron. Cap. P. 95 h. Helm), поселение появилось в четвертый год тридцать третьей Олимпиады, то есть в 647/46 гг. до н. э.; оно находилось на полуострове, ставшем теперь островом Березань. В конце VII в. до н. э. возник эмпорий в устье Танаиса (совр. Дон), который археологи называют Таганрогским поселением (Копылов, 1999, с. 174-175). Возможно, оно так же, как Тира и Борисфен, носило название реки, на которой было основано. Оба поселения служили опорными пунктами для посреднической торговли греков с местным населением (Буйских А. В., Буйских С. Б., 2010, с. 28). Они находились на противоположных краях так называемого «скифского квадрата», северной области греческой ойкумены, описанной Геродотом по более ранним источникам (Her. IV, 101). Археологические находки греческой керамики второй половины VII в. до н. э. свидетельствуют о торговых связях эллинов с племенами, населявшими Восточную Европу (Русяева, 1999, с. 86-88), которую греки называли Скифией.

На ранних этапах заселения Северного Причерноморья в среде греческих колонистов сложились мифы об Ахилле, якобы посетившем этот регион. До наших дней сохранились лишь слабые отголоски этих преданий в сочинениях античных авторов. Древнейшее из них – фрагмент из гимна уроженца Лесбоса Алкея, жившего в разных греческих городах на рубеже VII-VI вв. до н. э.; поэт назвал Ахилла «владыкой Скифской земли» (fr. 354 Lobel-Page; 14 Diehl). Стихи Алкея указывают на то, что к началу VI в. до н. э. греки в Элладе знали мифы об Ахилле на северных берегах Понта. Такое же, как у Алкея, определение Ахилла прочерчено на посвятителем чернولاковом сосуде последней четверти V в. до н. э., найденном в Тире (Самойлова, Кожокару, 2002, с. 112).

Другим напоминанием о легендарном пребывании Ахилла в Скифии является древнегреческое наименование острова близ устья Днепра Ахилловым Дромом, то есть бегом Ахилла. В сохранившейся античной литературе этот топоним впервые встречается в V в. до н. э. (Her. IV, 55, 76), но возник он раньше, ведь многие греческие поселения появились в его окрестностях около середины VI в. до н. э. (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 20-22). Тогда же на границах хоры Ольвийского государства греки соорудили несколько святилищ, два из них были посвящены Ахиллу: одно на Бейкушском мысу, находившемся на западной границе ольвийской хоры, другое – на ее восточном рубеже, на Тендровской косе, древнем Ахилловом Дроме (Буйских, 2004, с. 10).

Два мифа по-разному, как часто бывает в фольклоре, объясняли наименование острова. Краткое содержание этих преданий сохранилось лишь

в сочинениях писателей римского времени, опиравшихся на неизвестные сейчас труды греческих авторов. Они записали эти региональные мифы, потому что о них знали далеко за пределами Ольвийского государства. Ведь на Ахилловом Дроме находилось почитаемое не только местными греками святилище героя, и Ольвия устраивала на острове панэллинские игры. Туда приезжали греки из многих государств, о чем свидетельствуют найденные на Тендре сотни монет, выпускавшихся в разное время в греческих городах Причерноморья и Средиземноморья (Тункина, 2002, с.402).

Согласно одной версии мифа, Ахилл устроил на этом острове игры в честь какой-то своей морской победы на Евксинском Понте, и сам состязался в беге с соратниками (Plin. NH IV, 83; Mela II, 5; Amm. Marc. XXII, 8, 41). Ольвиополиты с помощью этого мифа объясняли не только название острова, но и происхождение местных атлетических и конных игр, которые в эллинистический период привлекали участников из многих причерноморских городов, а также из Милета, ольвийской метрополии и из некоторых малоазийских государств (Скржинская, 2010, с. 323- 326). В греческой мифологии герои неоднократно выступали зачинателями разных агонов. Достаточно напомнить, что Геракл считался учредителем знаменитых Олимпийских игр, а Тесей – Истмийских (Plut. Tes. 25). Неудивительно, что милетские колонисты тоже связали происхождение своих агонов с именем прославленного героя, причем такого, которого они особенно почитали.

Другой вариант сказания об Ахилловом Дроме был соотнесен с циклом мифов об Ифигении. Ахилл считался ее женихом, когда девушка взошла на костер, чтобы умиловить Артемиду, не дававшую возможности кораблям ахейцев отплыть из Авлиды в Трою (Eur. Iph. Aul. 710- 720; 1110-1115). В широко известном мифе рассказывалось, что Артемида спасла Ифигению, перенесла в Таврику (ее не очень сведущие в географии авторы считали частью Скифии) и сделала своей жрицей в местном храме, где тавры совершали кровавые жертвоприношения. В ольвийском же мифе говорилось о нахождении Ифигении в Скифии, где Ахилл на некоем острове напрасно преследовал убегающую от него девушку, и от этого остров получил свое наименование (Eusath. ad Dion. Perieg. 306; Schol. ad Dion. Perieg. 306).

В известном сейчас кратком пересказе мифа просматривается сказочный сюжет, распространенный в фольклоре многих народов: девушка, унесенная злой силой, живет в дальней стране, жених освобождает ее, возвращает на родину, и они играют свадьбу (Trenkner, 1958, p. 50-52). В русском фольклоре на таком сюжете построены сказки о заточении девушки у Кащея Бессмертного или у Змея Горыныча, которых побеждает Иван Царевич. Тот же фольклорный мотив использован в «Руслане и Людмиле» Пушкина. Подобно Артемиде, Черномор похищает невесту Руслана и переносит ее в свои далекие сказочные сады. Жених после долгих поисков, пре-

одолев всевозможные препятствия, вызволяет Людмилу из плена и женится на ней. В ольвийском мифе Ахилл разыскивал невесту в далекой Скифии, она убежала от него, видимо, не по собственной воле, и рассказ завершился свадьбой и счастливой жизнью на Левке. Упоминание о том, что Ахилл царствовал на Левке вместе с супругой Ифигенией, сохранилось в «Превращениях» Никандра (фр. 58). В более распространенном в Элладе мифе об Ифигении девушку освобождал и возвращал на родину ее брат; этот вариант лег в основу трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».

Есть косвенное свидетельство о существовании боспорских мифов об Ахилле. Их безусловно рассказывали в святилище героя, которое находилось в поселении Ахилий (Strab. XI, 2, 6); оно лежало на азиатском побережье Керченского пролива близ Азовского моря (Strab. VII, 4, 5; Anon. Peripl. P. Eux. 69).

Наибольшее количество известных нам мифов о посмертной жизни Ахилла в Причерноморье связано с островом Левка. Древнейшее значение этого наименования забылось, и греки стали объяснять название острова наличием на нем несметного количества белых птиц (Schol. Pind. Nem. IV, 49). О них говорится в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (ст. 435-438) и в «Истории» Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 35); Арриан в своем «Перипле Понта Евксинского» даже перечисляет их породы: чайки, нырки, морские вороны (гл. 32). До сих пор остров Змеиный остается гнездовьем множества птиц.

В Элладе и ее колониях героя называли владыкой острова; это определение сохранилось в античной литературе (Pind. Nem. IV, 50), в лапидарных надписях (IOSPE I² 326; 672) и граффити со словами Ἀχιλλῆι Λευκῆι μεθεόντι (Яйленко В.П. 1980, с. 84. № 3). В Элладе издавна отдельные области считали находящимися под властью и покровительством разных героев. По такому образцу греки включили остров на Черном море в ряд подобных мест. Во второй четверти V в. до н. э. такие верования отразились в оде Пиндара (Pind. Nem. IV, 44- 55):

Начни же ткать и не медли,
 О, сладкая лира моя,
 В лидийском ладу
 Милую песнь
 Эноне и Кипру,
 Где царствует вдали Теламонов Тевкр,
 Как Аянт на отчем Саламине,
 Как Ахилл на Евксинском блистающем острове,
 Как Фетида – во Фтии,
 А Неоптолем – в пронизывающем дали Эпире.

Перевод М.Л. Гаспарова.

Стоит отметить, что кроме Ахилла еще один герой Троянской войны Диомед почитался на острове, названном его именем (Plin. NH III, 40) и тоже

в VI в. до н. э. находившемся на окраине греческой ойкумены. Это современный итальянский остров Тримити близ побережья Апулии. По легенде, птицы ухаживали за святилищем героя, они ежедневно омывали храм брызгами капель со своих крыльев (Plin. NH X, 127). То же самое, согласно записи Филострата, делали птицы на Левке, летая низко над священной рощей Ахилла и доставляя влагу деревьям.

Левка, остров, возвышающийся в виде скалы в открытом море, оказался удобным для укрытия кораблей в непогоду, но совсем не подходил для жизни колонистов по причине своей малой величины и удаленности от побережья, с которым невозможно поддерживать связь в долгие месяцы несудоходного периода года. Поэтому на острове в античности никто постоянно не жил. Вероятно, время от времени там находились люди, строившие или ремонтировавшие алтари и храм Ахилла или устанавливавшие статуи. Кроме скульптур героя, упомянутых у древних авторов (Paus. III, 19; Arrian. Peripl. 32; Philostrat. Heroic. XIX, 16), известно еще об одном стоявшем на Левке монументе; его пьедестал найден на острове.

На уцелевшем постаменте вырезана частично сохранившаяся надпись IV в. до н. э. (IOSPE I². 325). Это почетный декрет в честь ольвиополита, изгнавшего с Левки пиратов; за это и за другие заслуги его удостоили высшей награды греческих полисов – конной бронзовой статуи. Остров важно было освободить не только для безопасности судоходства, но и потому, что пираты препятствовали греческим морякам совершать издавна установившиеся в их среде религиозные ритуалы на острове. Пиратам же было удобно иметь на Левке корабельную стоянку, внезапно появляться из не заметной издали гавани и скрываться на необитаемом острове после ограбления судов, везущих вдоль западного берега Понта разнообразные товары из Причерноморья и Средиземноморья.

Реальные события, связанные с пиратскими захватами Левки, объединились в народной фантазии с походами амазонок, давних мифических врагов эллинов. По преданию, они жили сначала на южных, а затем на северных берегах Понта, их царицу Пентеселею Ахилл убил, когда она привела свое войско на помощь троянцам. В одном из мифов на Левке рассказывалось, что амазонки приплыли на остров, чтобы ограбить храм Ахилла. Герой защитил святыню: он явился перед захватчицами и своим грозным взором навел такой ужас на их коней, что они растерзали хозяек, а сами бросились в море (Philostr. Heroic. XIX, 16).

Корабли приставали к Левке во время навигации, длившейся в древности с середины весны до середины осени, а в остальные месяцы года остров был совершенно безлюдным. Монеты, обнаруженные на острове, показывают, что приношения Ахиллу доставляли эллины из множества греческих государств Причерноморья и Средиземноморья (Охотников С.Б., Островер-

хов, 1993, с. 50- 51). Здесь мореходы слышали предания о чудесах на острове, затем сами рассказывали их на родине, и таким образом мифы становились коллективным творчеством греков из разных полисов.

Отсутствие постоянного населения Левки способствовало возникновению веры в то, что владыка острова Ахилл разрешает здесь находиться лишь днем, а ночью там не место смертным. Поэтому тем, кто не сумел вечером отплыть, следовало ночевать на корабле. Эти люди утверждали, что видели Ахилла во сне, а некоторые даже наяву; многие слышали, как он поет, пируя с друзьями и своей супругой, суеверные моряки улавливали звук конского топота, звон оружия и крики, как во время сражения (Philostr. Heroic. XIX, 16; Max. Tyr. Or. 15, 7). Подобные рассказы напоминают распространенные у многих народов представления о том, что духи посещают землю только ночью, а с рассветом их власть исчезает. Вспомним наших русалок, резвящихся в лунном свете и завлекающих путников, или французских виллис – девушек, погибших от несчастной любви и мстящих живым людям, о чем широко известно по балету «Жизель».

В старинных преданиях о жизни Ахилла на сказочном острове Блаженных он женился на героинях эпических поэм: в одних сказаниях его супругой становилась Медея, в других – Поликсена, в третьих – Елена, от которой он имел фантастического крылатого сына Евфориона (Толстой, 1918, с. 14, 15). На Левке предпочтением пользовалась последняя версия, расцвеченная фантазией посетителей острова (Paus. III, 19, 13; Eur. Schol. Androm. 229; Philostr. Heroic. XIX, 16). В этом мифе рассказывалось, что, по просьбе Фетиды, Посейдон в водах Понта создал остров для жизни на нем Ахилла и Елены, а на их свадьбе пировали сам бог морей со своей супругой Амфитритой, Фетида и ее сестры nereиды, а также боги-покровители рек, впадающих в Понт и Меотиду. Содержание мифа иллюстрировала поставленная на Левке скульптурная группа, упомянутая Филостратом; она представляла Ахилла и Елену, которых соединяют богини судьбы Мойры. Народная фантазия поженила Ахилла и Елену, вероятно потому, что он считался самым прекрасным юным героем, а ему парой должна была быть самая прелестная женщина.

В мифах об острове Левке нашли развитие стихи Гомера (II. IX, 185- 191) о том, что Ахилл в часы досуга пел о славе героев, аккомпанируя себе на лире. Греческие мореходы рассказывали, что, находясь близ острова, они по ночам слышали, как Ахилл поет о походе на Троию и воспекает божественного Гомера, прославившего его и Патрокла (Philostr. Heroic. XIX, 16; Max. Tyr. Or. XV, 7). Среди песнопений, исполнявшихся на религиозных празднествах на Левке, звучали некоторые, якобы сочиненные самим Ахиллом. Текст одного из них написал Филострат со слов некоего виноградаря, сообщившего ему несколько преданий об Ахилле на его острове. Несколько строк исполнявшегося в римское время гимна в честь Ахилла сохранились в надписи римского времени.

Издатель надписи полагает, что эти стихи написаны для святилища героя в Борисфене (Шелов-Коведяев, 1990, с. 60-61), то есть на месте находки мраморного фрагмента, но более основательным представляется мнение, что это текст песнопения, звучавшего на Левке; действительно, описание в гимне скалистого острова более соответствует Левке, чем Березани (Русяева, 1992, с. 81).

Геракл

Немало исследований написано о роли Геракла в религии греков всех государств Северного Причерноморья (Диотроптов, 2001, с. 80- 100; Русяева, 2005, с. 28- 44; 445- 457). В связи с культом героя ученые анализировали некоторые мифы о нем, но вне их поля зрения остались многие известные предания, не игравшие роли в местных верованиях. В то же время немало таких мифов занимали значительное место в культуре и искусстве населения Тиры, Ольвии, Херсонеса и городов Боспора. В отличие от сказаний о прочих героях рассказы о Геракле полностью не входили в один крупный цикл мифов, как деяния Ахилла, принадлежавшие Троянскому циклу, или подвиги Ясона, вошедшие в серию рассказов об аргонавтах. Эпизоды жизни Геракла включались в круг разных сказаний, например, в Троянском цикле содержался сюжет о покорении героем Трои во время царствования Лаомедонта, отца Приама, а в мифах об аргонавтах говорилось об его участии в начале похода за золотым руном (Ном. II. 638-642; Diod. Sic. IV, 32, 42, 49).

С самого начала жизни греков в Северном Причерноморье старые мифы о Геракле занимали видное место в фольклоре. Ведь героя чтили в Милете, родине большинства первых переселенцев. Косвенным свидетельством знания мифов о Геракле уже в архаический период могут служить сюжеты росписей ваз, найденных на Березани, в Ольвии, Керкинитиде и в городах Боспора. Наиболее образованные из колонистов могли читать эпические поэмы VII-VI вв. до н. э. о деяниях героя. Мы знаем об этих произведениях лишь по упоминаниям античных авторов. В эпиграмме на статую Писандра, уроженца Родоса, жившего в VII в. до н. э., Феокрит упомянул, что этот поэт первый написал поэму о подвигах Геракла.

По преданию, совершая свои подвиги, Геракл обошел всю ойкумену. Благодаря этому во множестве греческих государств возникали мифы о посещении героем различных местностей и о его связи с прошлым разных полисов, в том числе и тех, которые лежали на северных берегах Понта Евксинского. В античной литературе сохранились легенды о том, что герой побывал в окрестностях Тиры и оставил там свой след (Her IV, 82), а в пещере, находившейся в лесной области Гилее близ Ольвии, он встретил местную змееногую богиню (Her. IV, 8-10). На азиатской стороне Боспора Геракл вместе с Афродитой раправлялся с гигантами (Strab. XI, 2, 10), и в прилегающих к этому государству степях он добыл золотой пояс у царицы амазонок (Eur. Her. 408- 419).

Упомянутые мифы известны сейчас по кратким записям античных авторов. Только один миф о Геракле, родоначальнике трех скифских племен, подробно изложен в «Истории» Геродота (IV, 8-10); действие сказания отнесено ко времени возвращения героя со сказочного острова Эрифии, откуда герой доставил царю Эврисфею коров из стада трехглавого великана Гериона. По пути на родину у Геракла не раз похищали коров (Diod. Sic. IV, 24, 7; Liv. I, 4-7: Apollod. Bibl. II, 5, 7): может быть, этот мотив, сходный с похищением коней в причерноморском мифе, послужил причиной присоединения сказания ко времени десятого подвига героя.

Греческие колонисты, обосновавшиеся в стране, называемой ими Скифией, рассказывали, что туда Геракл прибыл на колеснице, запряженной конями. Пока герой спал, укрывшись львиной шкурой, лошади исчезли; после долгих поисков герой нашел их у местной богини, туловище которой переходило в змеиный хвост. Она соглашалась отдать коней лишь после того, как у нее от Геракла родятся дети. Так появились на свет три брата: Агафирс, Геллон и Скиф. Возвращая колесницу и отпуская Геракла на родину, змееногая богиня спросила, что делать сыновьям, когда они станут взрослыми: идти ли к отцу или оставаться во владениях матери. Геракл велел устроить юношам испытание, после которого победитель станет властителем страны, а его братьям следует уйти в другие земли.

Соперники должны были натянуть лук, оставленный отцом, и надеть его боевой пояс, на котором висела золотая чаша. Это удалось лишь младшему сыну Скифу, он стал правителем на родине, и от него вели родословную скифские цари. Его братья правили в соседних землях, и от них произошли наименования агафирсов, живших к западу от скифов, и геллонов, обитавших к востоку от Скифии.

Геродот узнал этот миф от «эллинов, живущих у Понта», и изложил его, используя оборот *accusativus cum infinitivo*. Так историк подчеркнул, что это пишет не он сам, а передает услышанный рассказ. Вообще Геродот включил в свое сочинение множество фольклорных преданий, при записи которых он часто сохранял особенности устного повествования (Доватур, 1957, с. 165- 178; Aly, 1921). Эти черты живого рассказа можно различить в тексте ольвийского варианта мифа о Геракле в Скифии.

Подробности, не имевшие значения для развития сюжета, вводились в фольклорные произведения с целью создания наглядной обстановки вокруг излагаемых событий. В нашем случае таково замечание о том, что в Скифии Геракл оказался во время зимней стужи и спал, завернувшись в львиную шкуру. Эта шкура – постоянный атрибут героя, поэтому слушатель сразу мог нарисовать в своем воображении исходную картину этого красочного рассказа. В устах искусных исполнителей повествование оживлялось прямой речью персонажей. Именно так записан в «Истории» диалог змееногой богини и Геракла перед

тем, как он покинул Скифию. Среди распространенных в фольклоре приемов повествования встречаются попутные замечания, парэнтезы; здесь парэнтеза использована в виде краткого наивного вставного упоминания о том, что Геракл носил с собой два лука (Доватур, 1957, с.153). В ходе изложения мифа рассказчик заметил, что, оставляя сыновьям свой лук, герой не может оказаться без оружия в дальнейших странствованиях, и дал этому свое объяснение о двух луках. Для придания достоверности действие фольклорных произведений часто помещали в знакомые слушателям места, в данном случае в лесную область Гилею близ Ольвии. Это указывает на то, что Геродот записал миф, услышанный именно в Ольвии, потому что другим понтийским эллинам эта местность вряд ли была хорошо известна. Стилистика записи мифа в «Истории» может быть присоединена к ряду косвенных свидетельств о поездке Геродота на северные берега Понта.

В одном граффити середины VI в. до н. э. сообщается о сооруженном ольвиополитами и разрушенном (от естественных причин или их соседями?) алтаре Геракла в Гилее (Русяева, 1992, с. 41). Текст надписи дает основание предположить, что интересующий нас миф возник вскоре после заселения греками Нижнего Побужья и существовал уже не одно десятилетие ко времени посещения Геродотом Ольвии. В пользу этого говорит упоминание трех скифских племен, с которыми греки действительно встретились в окрестностях своего полиса. Позже расположение племен в Скифии изменилось, и у ольвиополитов появились новые соседи, о чем свидетельствует сравнение наших отрывочных сведений о сочинении Гекатея Милетского и ионийских карт с описанием в «Истории» Геродота (Скржинская, 1977, с.48-51). Однако это совсем не обязательно должно было сказаться на сюжете уже устоявшегося мифа, ведь в фольклоре часто удерживались гораздо более древние представления. Например, в сочинениях Павсания и Плутарха можно найти мифы, восходящие к догомеровской эпохе, то есть ко времени, когда мифы еще письменно не фиксировались. Поэтому представляется несостоятельным мнение А.С. Русяевой о том, что Геродот записал миф о Геракле в Скифии, не в Ольвии, где в содержание рассказа якобы должны были быть внесены изменения, соответствующие реалиям середины V в. до н. э., а источником «отца истории» она предполагает сочинение какого-то логографа, либо запись или рассказ жреца в одном из милетских храмов (Русяева, 1992, с. 9-10). В таком случае историк передал бы лишь фабулу, а не множество черт живого устного повествования, потому что в VI в. до н. э. так красочно в прозе никто не умел записать народные предания. Недаром Геродота считают автором первого крупного художественного прозаического произведения. Кроме того, согласно рассказу Геродота, греки в середине V в. до н. э. знали, что агафирсы и гелоны продолжали жить в Восточной Европе, хотя и на других территориях, так что даже с этой точки зрения не было нужды менять предание о происхождении их наименования.

Возможно, Геродот слышал и другие варианты этого мифа, сказав, что его рассказывают понтийские эллины, а не конкретно ольвиополиты. О существовании иных версий можно судить по перечислению деяний Геракла в одной надписи римского времени (SIG XIV, 1293 a, 94-97). В ней говорится, что Геракл пришел из Фракии в Скифию, и там от его связи с Ехидной родились сыновья Скиф и Агафирс. Такой рассказ, наверное, бытовал в колониях Северо-Западного Причерноморья, в частности, в Тире, где в реальности существовали контакты лишь с агафирсами и скифами, гелоны же были мало известны. Судя по тому, что герой прибыл из Фракии, миф соотносился со временем восьмого подвига, когда Геракл должен был доставить в Микены диких кобылиц, принадлежавших фракийцу Диомеду. Вероятно, с этим мифом жители Тире связывали впечатление ступни Геракла, который находился на скале у реки Тираса; он поражал своей величиной в два локтя, то есть около метра в длину (Her. IV, 82). Углубления в камнях и скалах, сходные по форме с очертанием ступни, греки считали оставленными в древности следами героев. Ведь боги и герои представлялись эллинам в облике людей, совершенных по красоте и более рослых, чем обычный человек. Этим объясняются огромные размеры их ног; например, Геродот (II, 91) упоминает о такой же по величине сандалие Персея в Египте.

В научной литературе существует мнение, что записанный «отцом истории» миф имеет скифское происхождение, и он лишь слегка переработан греками (Толстой, 1966, с. 234; Aly, 1921, S. 121). Скифологи находят некоторые параллели в иранской мифологии и считают, что Геракл заменил в устах эллинов скифского Таргитая (Граков, 1950, с. 7-12; Петров; Макаревич, 1963, с. 20-31; Раевский, 1977, с. 32-36, 54; Бессонова, 1983, с. 93-98). О последнем сейчас известно только из записи Геродота (IV, 5), но у него нет и намек на какое-либо соотношение этих персонажей, хотя историк постоянно проводил параллели между эллинскими и чужеземными богами и героями; он, в частности, написал, что Гестия у скифов называется Табити, Зевс – Папай, Аполлон – Гойтосир, Афродита Уракия – Аргимпаса, Посейдон – Тагимасад (IV, 59). В то же время Геродот специально подчеркнул, что рассматриваемый нами миф рассказывают местные греки, и он коренным образом отличается от того, что говорят скифы относительно своего происхождения от первого человека Таргитая (Her. IV, 5- 6).

Греческий миф о Геракле, родоначальнике местных племен, прекрасно вписывается в контекст древнегреческой мифологии, ведь он по своей структуре близок к генеалогическим мифам, бытовавшим в Ионии, на родине большинства колонистов. Вообще греки часто связывали происхождение соседних народов со своими мифическими героями, а также возводили родословную племен к предку, якобы давшему наименование народу. Ионийцы рассказывали, что персы происходят от Перса, сына Персея и Андромеды (Her. VII, 61),

а соседи милетян карийцы, лидяне и мисийцы ведут свою родословную от братьев с соответствующими именами Кар, Лид и Мис (Her. I, 171). Роль Геракла в мифе также достаточно традиционна для греческого фольклора, в котором существовало немало рассказов о герое, ставшем родоначальником разных варварских племен.

В духе такой фольклорной традиции в среде ионийских колонистов, населивших северные берега Черного моря, сложился миф о Геракле, родоначальнике местных народов, и о происхождении их названий от имен трех сыновей героя. Это плод коллективного творчества, а не специально придуманный жрецами рассказ, преследующий пропагандистские цели, пишут некоторые исследователи (Русяева, 2005, с. 39, 40). Ведь греческие жрецы выбирались, подобно другим магистратам, и не представляли какую-то обособленную группу людей с особой идеологией. Неясно, перед кем надо было пропагандировать право на заселение пустующих земель на берегах Понта. Кочевые племена, входившие в контакт с новыми поселенцами, совсем не интересовались их мифологией, а сами колонисты не нуждались ни в какой пропаганде.

Тем, кто не занимался историей фольклора, трудно представить, как какое-то произведение может не иметь конкретного автора. А между тем, на ранних этапах развития общества именно так и было, когда у разных народов создавались сказки, героический эпос и исторические легенды. Во время появления эллинов в Северном Причерноморье в среде колонистов господствовало мифологическое осознание действительности, которое выражалось в сотворении новых мифов на осваиваемых землях. Эти мифы невольно создавались по уже установившимся схемам. Одна из них – пребывание легендарного героя в далекие времена в тех местах, которые осваивали колонисты. Это в их глазах связывало историю новой родины с историей Эллады и обосновывало право на владение землями, где побывал герой.

В рассматриваемом мифе имеется немало наблюдений из жизни скифских племен, с которыми греки общались в Северном Причерноморье. Действительно, лук и боевой портупейный пояс составляли неотъемлемую принадлежность скифского воина (Черненко, 1981, с. 111- 120). Греческие мастера даже изготавливали для скифов чаши с ушком для прикрепления к поясу. Такова найденная в Братолюбовском кургане Херсонской области золотая чаша V в. до н. э. с припаянным к ней колечком (Scythian Gold, 1999, № 134). Скифский лук, отличный по форме от греческого, эллины уже в архаический период детально рисовали на вазах, а позже воспроизводили на ювелирных изделиях и монетах. Одно из лучших и наиболее ранних изображений скифского лука с характерным выступом посередине представлено на вазе из Одесского археологического музея: одетая в скифский костюм царица амазонок проверяет прямизну стрелы, готовясь к поединку с греческим героем, который тренируется в бросании копья (рис. 4). При взгляде на вазу зритель мог вспомнить мифы о том, как Геракл,

Тесей и Ахилл сражались с амазонками. Так как копье было атрибутом Ахилла, можно думать, что вазописец изобразил эпизод из Троянской войны.

Соединение скифской богини с Гераклом имело символический смысл священного брака местного божества и греческого героя. Мы не знаем, какой точно рассказчики представляли змееногую богиню. Ее отождествление с изображениями так называемой «прорастающей девы», как это делалось до недавнего времени (Артамонов., 1961. С. 65- 73; Петров; Макаревич, 1963, с. 23- 26), теперь подвергнуто убедительной критике (Буйских, 2006, с.137- 138). Стоит отметить, что облик фантастического существа полуженщины-полузмеи не чужд греческой мифологии. Такой греки представляли Ехидну, мать разнообразных чудовищ. Описание Ехидны в «Теогонии» Гесиода (ст. 298- 303), не знавшего скифской мифологии, подходит не только к облику скифской змееногой богини, но также к месту ее обитания в пещере, расположенной в необитаемой местности: «Наполовину она дева со светлыми глазами и прелестным лицом, наполовину же чудовищная змея, огромная и грозная... у нее есть божественная пещера внизу под выдолбленной скалой, далеко от смертных людей и бессмертных богов». Попутно заметим, что Ехидна была не только именем собственным, но и греческим словом со значением змея. В этом смысле оно употреблено в тексте Геродота в качестве имени собственного – в надписи о деяниях Геракла.

В причерноморском мифе есть черты, в равной мере свойственные греческому и скифскому фольклору. Это распространенный у многих народов сюжет о состязании трех братьев и получении царства младшим братом. Безусловно, умение пользоваться луком и использование боевого пояса служило характеристикой скифского воина. В то же время мастерством стрельбы из лука обладали и греческие герои, и прежде всего Геракл. Ему царь Эхалии посулил отдать в жены свою дочь Иолу, если герой победит братьев царевны в стрельбе из лука; за отказ выполнить это обещание герой разорил Эхалию. На этот сюжет в архаический период появилась эпическая поэма «Взятие Эхалии». С детских лет каждый грек знал «Одиссею», в которой вся двадцать первая песня посвящена описанию состязания женихов Пенелопы. Она обещала выйти замуж за того, кто натянет лук Одиссея и прострелит 12 колец так, чтобы стрела ни одно не задела. Женихи не сумели даже натянуть лук Одиссея. Ведь согнуть и привести в боевую готовность дальнобойный лук было нелегким делом даже для физически сильного мужчины. Поэтому у многих народов испытание зрелости воина наряду со стрельбой в цель включало также сгибание лука и закрепление на нем тетивы. Иллюстрации этого есть на монетах Ольвии и на сосуде из кургана Куль-Оба. На монете изображен Геракл (рис. 5), а на сосуде скиф (рис. 6).

В научной литературе высказывалось мнение, что изображение на ольвийских монетах третьей четверти V в. до н. э. иллюстрирует миф, изложенный

Геродотом. Герой представлен с наброшенной на голову и плечи львиной шкурой; опустившись на колено, он одной рукой сгибает лук, а другой готовится закрепить свободный конец тетивы (рис. 5). По мнению П.О Карышковского, на монетах запечатлен эпизод мифа, когда Геракл показывал змееной богине, как надо натягивать лук (Карышковский, 1960, с. 189-195; 1988, с. 49). В.А. Анохин справедливо отметил, что не только на ольвийских серебряных статерах, но и на монетах других городов в это время встречается изображение Геракла, натягивающего лук; там эту фигуру никак нельзя соотнести с указанным мифом (Анохин, 1989, с. 15). К этому надо добавить, что в греческих мифах упоминался лук Геракла, из которого он научился стрелять еще мальчиком, и пользовался этим оружием при совершении своих подвигов, например, при расправе со Стимфалийскими птицами. Поэтому такое толкование этого изображения представляется весьма спорным. Во всяком случае, ольвийские монеты могли вызывать ассоциации с разными мифами, в том числе и с местными сказаниями о Геракле.

Итак, сохранившийся в записи Геродота этногенетический миф о происхождении скифов является порождением греческого фольклора, в который включены некоторые скифские образы. Время жизни Геракла относили к поколению, предшествовавшему героям Троянской войны. Поэтому в представлении эллинов получалось, что задолго до основания поселений на северном побережье Понта сюда прибыл Геракл, и колонисты как его потомки имеют законные права на обладание этими землями, вошедшими в мифологическую историю эллинов.

Греки, жившие на обеих сторонах Керченского пролива, тоже рассказывали о деяниях Геракла на территории их государства. Содержание мифа кратко записано в «Географии» Страбона (XI, 2, 10) в связи с упоминанием о святилище Афродиты Апатуры на Таманском полуострове: «Когда на Афродиту здесь напали гиганты, она позвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере; затем, принимая гигантов поодиночке, она отдавала своих врагов Гераклу, чтобы он коварно с обманом убил их».

Этот краткий рассказ воспроизводит местный вариант широко известного во всей Элладе предания о борьбе богов и гигантов, которых невозможно победить без помощи Геракла. В версии боспорян противниками гигантов выступала не группа богов во главе с Зевсом и Афиной, а одна Афродита, не игравшая заметной роли в рассказах других эллинов. Роль Геракла оказывается отнюдь не героической, так как основная роль в истреблении гигантов принадлежит здесь Афродите. Однако для греков было важно, что присутствие героя связывало прошлое Боспора с мифологической историей, которая в глазах эллинов представлялась вполне реальной.

Содержание мифа основано на народной этимологии эпиклезы богини Апатура, истолкованной как «обманчивая» благодаря сходному звучанию

слова ἀλάτῃ (обман). В действительности же название распространенного в среде ионийцев древнего праздника Апатурии, патронессой которого на Боспоре стала Афродита, первоначально напоминало о совместном общем собрании старейшин фратрии (Parke, 1986, p. 88).

Наряду с местным мифом боспоряне также знали и классические варианты сказаний о сражениях богов и Геракла с гигантами. Иллюстрации этих преданий сохранились на нескольких чернофигурных вазах из Пантикапея. На одном кратере представлен поединок Афины с гигантом (АРК, № 16), а на двух алабастрах борьба Геракла с Алкионом (№ 49). Он превосходил силой прочих гигантов, и его невозможно было одолеть на его родине Паллене, поэтому Геракл после неудачной попытки расправиться с гигантом унес его с земли, дававшей Алкионею бессмертие, и тогда сумел его убить (Apollo-d. Bibl. I, 6, 1). На вазах нарисован Геракл, который замахивается своей палицей на Алкионея, сидящего у скалы Палены. Чтобы показать мощь гиганта, вазописец изобразил его фигуру более крупной, чем у противника.

Греки в городах Северного Причерноморья, как и во всем античном мире, хорошо знали классические мифы о двенадцати подвигах Геракла. Их иллюстрации появились на привозных памятниках искусства уже в архаический период (№ 18- 23, 33, 34, 36-39; рис. 7, 8), а позже к ним обращались и местные мастера. В первые века нашей эры на Боспоре их рисовали на фресках (№ 16) и выпускали серии монет с изображениями всех подвигов (№ 15; рис. 9), а в Херсонесе получили распространение светильники со сценами из разных подвигов (№ 30, 32). На украшающих щиток светильника рельефах герой держит в руке яблоки Гесперид, несет на плече Эриманфского вепря, побеждает льва, ловит лань (Бондаренко, 2003, с.124). Композиция одного из таких рельефов на светильнике повторяет знаменитую статую Лисиппа, представившего героя и Керинейскую лань (Щеглов, 1960, с. 24). Геракл обеими руками хватает животное за рога и коленом прижимает к земле упавшую лань, а она, стремясь вырваться, размахивает передними ногами (рис. 10). Подобную композицию использовали и короoplastы в Горгиппии (№ 29).

В VI-V вв. до н. э. на расписных вазах из парадного сервиза нередко встречается иллюстрация первого подвига: герой душил Немейского льва (№ 17-22), потому что с помощью любого оружия с ним было невозможно расправиться (Apollo-d. Bibl. II, 5, 1; Diod. Sic. IV, 8, 3). После того, как во всем греческом мире прославились статуи Лисиппа, изображавшие пирующего Геракла и его борьбу с Немейским львом (рис. 11), их стали брать за образец скульпторы и короoplastы. Несколько терракот и рельефов с подобной композицией найдено в Северном Причерноморье (№ 25-27).

Нередко к первому подвигу Геракла относят изображения, на которых герой закалывает льва мечом или нападает на него с дубинкой (№ 12, 13; рис. 12). Вазописцы архаического времени, безусловно, в этом случае имели ввиду

расправу юного Геракла с другим львом, который обитал на горе Киферон и истреблял стада царей Амфитриона и Феспия (Apollod. Bibl. II, 4, 9). Герой заколол хищника, шкура которого стала служить ему плащом, а голова с открытой пастью – шлемом. Эти предметы наряду с палицей, сделанной Гераклом из дикой оливы, стали в искусстве постоянными атрибутами героя, которые можно во множестве увидеть на памятниках искусства из Северного Причерноморья. В эллинистический период миф о первом сражении Геракла со львом утерять популярность, и происхождение атрибутов героя стали связывать с рассказом о его первом подвиге. Недаром Диодор Сицилийский (IV, 8-39), весьма подробно описавший деяния героя, не вспомнил о сражении с Киферонским львом.

По преданию, Геракл надевал львиную шкуру или скальп хищника, завязывая особым узлом его лапы на груди или под подбородком. На боспорских терракотовых статуэтках местного производства можно видеть героя с узлом из львиных лап на груди (№ 84). Судя по стертости изображений, можно заключить, что в эллинистический период их делали в большом числе (Пругло, 1968, с. 239-242.). Особый узел, называемый геракловым, стал распространенным декоративным элементом на ювелирных изделиях эллинистического времени (Deppert – Lippitz, 1985, S. 201, 210, 21, 235, 241, 246, 255, 257, 268, 271, 275). В коллекции находок из раскопок Северного Причерноморья этот узел можно увидеть на терракотовой маске героя, найденной в Пантикапее (№ 87; рис. 22), на женских украшениях, которые носили на Боспоре и в Херсонесе (№ 79-83, 88), и на ручках металлических сосудов, которыми пользовались боспоряне на Таманском полуострове (№ 85, 86). Среди перечисленных предметов особой красотой отличаются украшенные гранатами золотые диадемы и серебряные канфары (рис. 14) из Пантикапея и Артюховского кургана (№ 81, 82, 86). Обе диадемы имеют следы починки, и это показывает, что боспорянки в торжественных случаях часто надевали такие роскошные уборы, украшенные гранатами (рис. 13).

Гераклов узел, у которого не видны концы, служил не только декоративным элементом, но считался также амулетом, предотвращающим зло и помогающим при болезнях. Плиний Старший (NH. XXVIII, 63) упомянул в своей энциклопедии о целительных свойствах гераклова узла (nodus Herculis). Он писал, что раны, завязанные этим узлом, удивительно быстро заживают, а присутствие на голове такого узла помогает при глазных болезнях.

Подобно гераклову узлу, о герое могли напоминать лишь его атрибуты, например, палица на монетах некоторых городов Северного Причерноморья. На деньгах ряда греческих государств отчеканена голова героя в шлеме из львиной головы. Такие образцы есть среди монет Ольвии, Херсонеса и Боспора (№ 73-76). На них Геракл изображен безбородым, то есть молодым, когда он только начал совершать свои героические деяния. Таким мы видим

героя на нескольких вазах IV в. до н. э. (рис. 18, 24), но чаще художники представляли его бородатым силачом во цвете лет, а на сцене актер в маске Геракла имел бороду (рис. 21, 22).

В архаический период ольвиополиты и боспоряне приобретали вазы с рисунками поединка Геракла со львом (№ 12, 13, 18- 23; рис. 12), сражения героя с амазонками и кентаврами (№ 36- 38; 44- 46; рис. 15), с изображениями борьбы с Антеем (№ 39; рис. 7), ловли чудовищного Критского быка (№ 33, 34; рис. 8). Начиная с конца V в. до н. э., вазы с иллюстрациями деяний Геракла встречаются лишь на Боспоре, но сюжеты их росписи уже иные.

Выбирая деяния Геракла, не входящие в число двенадцати подвигов, вазописцы чаще всего обращались к сюжету о сражениях героя с кентаврами (№ 44- 48). Серия преданий на эту тему послужила для образования одного из эпитетов знаменитого героя – кентавроубийца (κενταυροφόνος – Theocr. XII, 20).

Особенно популярным у вазописцев был миф о кентавре Нессе, который за плату перевозил путников с берега на берег реки Эвен. Геракл поручил ему перевезти свою жену Деяниру, а сам самостоятельно переплыл реку. Очарованный красотой Деяниры, Несс попытался ее изнасиловать, но муж, услышав крик жены, поспешил на помощь и смертельно ранил кентавра. Умиравший Несс сказал Деянире, что его кровь, смешанная с его семенем, может стать надежным приворотным средством, если ей понадобится вернуть любовь Геракла, обратившего внимание на другую женщину. Через много лет Деянира, узнав о молодой сопернице, пропитала зельем Несса одежду мужа, в которой он собирался совершать жертвоприношение. На деле снадобье оказалось мезтью кентавра: оно было ядом и послужило причиной смерти Геракла и самоубийства Деяниры, пришедшей в ужас от того, что погубила мужа (Soph. Trach. 283; Diod. Sic. IV, 36; Apollod. Bibl. II, 7).

Геракл, кентавр и Деянира изображены на чернофигурном лекифе из Ольвии и на краснофигурной пелике из Пантикапея (№ 46,47). Другой эпизод сражения Геракла с кентавром украшает вазу из Пантикапея, на которой нарисован герой, спасающий дочь Дексамена от насильственного брака с кентавром Эвритионом (№ 48; рис. 16).

На фрагменте кратера из Пантикапея (№ 53) рядом с Гераклом, стоящим у треножника, нарисован юноша, над головой которого начертано его имя Лихас. Это дает ключ к пониманию картины. Геракл на мысе Кеней готовится к благодарственной жертве Зевсу за успешное покорение Эхалии. Для этого он отправляет к Деянире Лихаса, чтобы та передала с ним нарядную одежду, которую муж надевал во время священнодействий. Другое жертвоприношение Геракла изображено на пелике из кургана Бакса близ Пантикапея: перед походом на Трою герой приносит в жертву быка нимфе острова Хриса (№ 52; рис. 24).

Иллюстрации мифа о борьбе Геракла с Аполлоном за Дельфийский треножник сохранились на лекифе и перстне, найденных на Боспоре (№ 50, 63).

В мифе рассказывалось, как Геракл, придя в Дельфы, обратился к Пифии, но она отказалась дать ему ответ на вопрос, как избавиться от болезни, постигшей героя в наказание за убийство Ифита. Разгневанный герой решил унести из Дельф священный треножник и основать собственное святилище с оракулом, но Аполлон, устами которого вещала Пифия, вступил в борьбу с Гераклом за треножник. Только Зевс сумел их примирить и вернуть треножник на прежнее место. Гераклу же было дано предсказание, что он избавится от болезни, если будет продан на три года в рабство, а вырученные за его продажу деньги будут переданы отцу Ифита. Так Геракл попал в рабство к лидийской царице Омфале, которая забавлялась тем, что заставляла его носить женскую одежду и исполнять женские работы, в частности пряхсть шерсть (Ном. Од. XXI, 22-30; Apollod. VI, 2, 3).

Миф о пребывании героя у Омфалы в эллинистический период пользовался популярностью в Херсонесе. Там при раскопках керамической мастерской был найден штамп для массового производства медальонов с изображением Омфалы, протягивающей Гераклу веретено (№ 60). Жителям Херсонеса и Керкинитиды, входившей в сферу его влияния, принадлежали перстни с фигурами этих мифических персонажей (№ 58, 59). В упомянутой мастерской находилась также форма для другого медальона со сценой из жизни о детстве сына Геракла Телефа (№ 61). Его мать Авга, дочь тегейского царя Алея, не могла оставить у себя новорожденного, и его вскормила в лесу лань (Apollod. II, 7, 4; III, 91). На херсонесской форме представлены Геракл, лань и младенец Телеф.

По преданию, Геракл после смерти был вознесен на Олимп, и боги дали ему в супруги вечно юную Гебу. Апофеоз героя представлен на двух вазах из раскопок Боспора. На одной он изображен отдыхающим от земных страданий и трудов; рядом с ним Геба и его покровительница Афина, а Ника венчает венком героя как победителя (№ 56). Огромный кратер из окрестностей Пантикапея уцелел не полностью (№ 51). На нем сохранилась колесница, на которой Геракл едет на Олимп, а над ней олимпийские боги, ожидающие героя (рис. 17); фигуры Зевса, Афины и Геры передают облик знаменитых статуй Фидия (Shefton, 1982, p. 149-181). Вероятно, терракота из Ольвии и известняковые рельефы III в. до н. э., найденные на хоре Херсонеса, также представляют апофеоз Геракла: он отдыхает от своих трудов, лежа на львиной шкуре, а перед ним стоят разные яства (№ 77, 78).

Особое место среди боспорских находок занимают предметы, связанные с Элевсинскими мистериями, указывающие на возможность посвящения боспорян в эти таинства, прославленные во всем греческом мире (Скржинская, 2010, с. 109-129). Среди мифов, связанных с этими мистериями, были знакомые только приобщенным к таинствам, но были и общеизвестные, например, о том, как Деметра послала Триптолема учить людей выращивать пшеницу. К числу подобных мифов относилось и предание о Геракле, который

стал первым посвященным в эти мистерии человеком, не родившимся в Аттике. Он принял посвящение перед тем, как спуститься в Аид, чтобы привести оттуда Кербера (Apollod. Bibl. II, 5, 12; Diod. Sic. IV, 25).

Боспоряне, вступая в ряды мистов, чувствовали себя в ряду, возглавляемом Гераклом. По весьма вероятному предположению К. Клинтон, сосуды со сценами Элевсинских мистерий могли приобрести только посвященные в таинства (Clinton, 1992, p. 9). Знаменитая «элевсинская» пелика с самым подробным изображением участников Элевсинских мистерий найдена в погребении жрицы Деметры в Павловском кургане близ Пантикапея. На лицевой стороне вазы рядом с элевсинским жрецом изображен Геракл, держащий в руке дубинку, свой характерный атрибут (№ 46; рис. 18). На облачении другой боспорской жрицы Деметры были нашиты золотые бляшки с бюстами Деметры, Кору и Геракла, главных мифических участников Элевсинских мистерий (№ 57; рис. 19).

Рисунки, не имеющие надписей, в ряде случаев теперь, как и в древности, можно было понять по-разному. Например, на одной пелике из Пантикапея представлен миф о том, как Геракл в Аиде встретил Тесея и Пирифоя. Они хотели похитить Персефону, жену бога подземного царства, за это Аид их покарал, прочно прикрепив к скале. Увидев Геракла, они просили освободить их, но герою удалось оторвать от камня и увести с собой только Тесея. Художник нарисовал момент, когда Геракл отрывает Тесея от скалы, но в некоторых работах написано, что здесь изображена неудачная попытка освободить Пирифоя (№ 55; LIMC, Bd. , S. 237). На мой взгляд, вернее первое толкование, так как к герою подлетает Ника, знаменующая победу Геракла (рис. 20).

Мифы о Геракле вдохновляли многих писателей. Геракл чаще прочих героев привлекал внимание драматургов, насколько можно судить об этом по уцелевшим фрагментам и названиям пьес. В полностью сохранившихся трагедиях он появляется трижды: в «Трахинянках» Софокла, в «Алкесте» и «Безумном Геракле» Еврипида, а по названиям известны еще 21 трагедия и 4 сатирических драмы с участием Геракла (Грaбарь-Пассек, 1966, с. 131, 269-270). Геракл и другие персонажи сатирической драмы Деметрия нарисованы на большой краснофигурной аттической вазе из Руво. На ее росписи можно видеть, как выглядел актер в этой роли (рис. 21). Он надевал нарядный хитон, набрасывал на плечи львиную шкуру и брал в руку палицу; его маска представляла лицо бородатого мужчины с темными волосами.

В греческих комедиях Геракл предстал веселым пьяницей и обжорой. Например, в уцелевшем фрагменте комедии Алексиды «Лин» учитель Геракла предлагает ему выбрать для изучения сочинение Орфея, Гесиода или Гомера, но ученик предпочитает поваренную книгу. Любовь Геракла к обжорству отражена в «Лягушках» Аристофана (ст. 505-510, 550-560), а в его же «Птицах» боги включают героя в число трех посланцев в сказочный город Тучекукуевск. Исполненный достоинства Посейдон отказался принять предложенные условия

перемирия, варварский бог Трибалл ничего не понял в ведущихся переговорах, а Геракл, прельщенный запахом жареной дичи, легко на все согласился.

Сюжеты некоторых мифов легко можно было комически обыграть; например, рассказ том, как Геракл находился в услужении у лидийской царицы Омфалы и по ее прихоти одевался в женскую одежду и пряд шерсть. Терракотовые статуэтки и маски из раскопок из античных городов Северного Причерноморья показывают, что здесь знали пьесы с участием Геракла. В Херсонесе такие пьесы, наверное, показывали на празднествах в честь героя в месяце Гераклии (Сапрыкин, 1978, с. 51). Прекрасно сохранилась трагическая маска героя, найденная в Пантикапее (№ 69). Ее принадлежность Гераклу определяется по повязке в волосах, завязанной характерным так называемым геракловым узлом (рис. 22). На Боспоре обнаружены сходные маски из местной глины, изготовленные в первые века нашей эры (№ 71, 72).

Шаржированный облик героя запечатлен на нескольких терракотах с изображением актеров в характерных для комедии одеяниях и масках (№ 64, 65, 68). Таковы, например, две фигурки аттического производства из раскопок Херсонеса; львиная шкура и палица определенно указывают на роль Геракла. Особенно выразительны две идентичные статуэтки из кургана Большая Близница на Тамани и с хоры Ольвии (№ 66, 67). Опьяневший Геракл, расслабившись и широко расставив ноги, сидит после обильной трапезы. Его голова, как было принято у пирующих эллинов, увенчана венком, у ног находится дубинка, по которой ясно определяется персонаж, а в руке он держит тимпан. На этом античном бубне отбивали ритм при танце, так что опьяневший герой сидит, отдыхая после пляски (рис. 23). Другая статуэтка из того же кургана изображает держащего амфору комического актера в роли Геракла, на что указывает находящаяся рядом палица (№ 68). Амфора напоминает о любви героя к выпивке. Подобные статуэтки пользовались значительным спросом, поэтому на Боспоре их стали изготавливать из местной глины, используя привезенную из Аттики форму или модель. Такова фигурка комического актера в коротком хитоне с палицей в руке; на его лице характерная маска с круглыми выпуклыми глазами приплюснутым носом и растянутым ртом (№ 64).

Итак, памятники изобразительного искусства позволяют утверждать, что греки на протяжении всего тысячелетнего существования колоний в Северном Причерноморье хорошо знали мифы о Геракле. Как и во всей Элладе, здесь наибольшей популярностью пользовались предания о выполнении героем заданий царя Эврисфея. Из этих рассказов в эллинистический период сложился так называемый додекатлон, то есть серия сказаний о двенадцати подвигах Геракла, совершенных в определенном порядке. Первоначально художники иллюстрировали одно из деяний героя, что отразилось в росписях большинства ваз, найденных в Северном Причерноморье. В римское время

в Херсонесе и на Боспоре появляются изделия с изображением всех или нескольких из двенадцати подвигов (№ 14-17). Каждому из них, начиная с архаического времени, соответствовало определенное изображение, которое без труда воспринимали зрители. В первом подвиге им был лев, во втором – гидра, в третьем – лань, в четвертом – вепрь, в пятом – конюшни, в шестом – птицы, в седьмом – бык, в восьмом – лошади, в девятом – амазонки, в десятом – коровы, в одиннадцатом – яблоки, в двенадцатом – Кербер.

К сожалению, археологические находки весьма неравномерно освещают интересующие нас сюжеты мифов. Ведь на большинстве монет, ваз терракот и скульптур Геракл с характерными для него атрибутами изображен один; это указывает на популярность героя, но не дает знаний о мифологии. Геракл играл наиболее заметную роль в религии и культуре Херсонеса по сравнению с другими античными государствами Северного Причерноморья (Русяева, 2005, с. 447- 452). Поэтому мифы о герое должны были быть здесь особенно широко распространены. Однако их иллюстраций на известных сейчас памятниках искусства немного.

Наиболее разносторонняя информация сохранилась в археологической коллекции из раскопок европейской и азиатской сторон Боспора. Особую ценность представляют импортные аттические вазы с многофигурными композициями. На них нарисованы сцены не из самых популярных мифов, которые рассчитаны на образованного зрителя. Все эти достаточно дорогие изделия, иногда с позолоченными фигурами, привозили на Боспор не так, как массовую посуду широкого спроса. Владельцы изысканных vaz либо приобретали их во время своих поездок в Элладу, либо заказывали доставить кратер или пелику с определенным сюжетом, возможно, копирующим знаменитую картину. Например, роспись пелики с изображением жертвоприношения нимфе острова Хриса (№ 52) ученые считают копией картины, может быть, вдохновленной сценой из утраченной трагедии Еврипида «Филоктет» (Hooker, 1950, p. 41.). В центре лицевой стороны вазы помещен Геракл с палицей, стоящий около алтаря у подножия статуи Хрисы. Туда один из участников жертвоприношения подводит быка, а другой совершает возлияние. В верхнем ряду картины нарисованы покровительница Геракла Афина, Гермес и Аполлон (рис.24).

Многофигурные композиции украшают пелики с изображениями Элевсинских мистерий (рис. 18) и сражения Геракла с кентавром Эвритионом (рис. 16), а также кратеры со сценами апофеоза героя (рис. 17) и его жертвоприношения Зевсу Кенейскому. Для понимания этих картин надо было помнить литературные произведения о Геракле. Ведь в устном рассказе действие сосредотачивается вокруг малого числа необходимых персонажей, а в литературе появляются сцены со многими действующими лицами. Вероятно, хорошо образованные боспоряне знали такие произведения и понимали роль каждой фигуры на картине. Эти вазы свидетельствуют об утонченных

вкусах их владельцев, которые дорожили этими сосудами и потому их решили поместить в погребения, благодаря чему вазы и уцелели, хотя зачастую и с досадными утратами.

Диоскуры

Сыновья Леды близнецы Кастор и Полидевк олицетворяли образец братской любви и дружбы. У них было общее наименование Диоскуры (юноши Зевса); множество мифов с их участием рассказывали в Элладе и ее колониях, поэты писали о них в своих стихах, а мифографы всегда включали в сборники мифов. В некоторых сочинениях они оба названы сыновьями Зевса (Theocr. Id. XXII, 1, 213), но чаще божественное происхождение приписывали только Полидевку, а отцом Кастора называли мужа Леды Тиндарея, царя Спарты (Apollod. Bibl. III, 10, 7). Братья совершали свои подвиги в Элладе и во время похода аргонавтов (Apollod. Bibl. III, 10, 7; XI, 2; Diod Sic. V. 49). Полидевк слыл прекрасным кулачным бойцом, а Кастор - укротителем коней (Hom. Il. III, 237; Od. XI, 300; Theocr. Id. XXII, 30- 131). После окончания жизни бессмертным мог стать лишь сын Зевса. Из любви к брату Полидевк уделил Кастору половину своего бессмертия, поэтому Диоскуры проводили часть времени среди богов, а другую в Аиде. Зевс даровал им созвездие Близнецов, в котором они попеременно появляются в виде утренней и вечерней звезд. В изобразительном искусстве многолучевая звезда стала символом Диоскуров.

Греки почитали Диоскуров как помощников моряков и воинов. К ним обращались за помощью во время сражений и штормов на море (Theocr. Id. XXII, 6- 9). Святилище этих богов, сооруженное еще в VI в. до н. э., найдено на Западном теменосе Ольвии (Русяева, 1992, с. 116-118).

Мифы о Диоскурах греки знали с первых лет жизни в Северном Причерноморье. Ведь Гомер упоминал их в «Илиаде» (III, 236-244) и «Одиссее» (XI, 300-304), а содержание этих поэм помнил каждый эллин. Недаром на одном найденном в Ольвии килике V в. до н. э. прочерчен стих из «Одиссеи» (Яйленко, 1980, с. 68. № 33). Диоскуры наряду с Ахиллом и Гераклом относятся к тем немногим героям, имена которых встречаются на местных эпиграфических памятниках. Граффити с посвящением Диоскурам сохранились на ольвийских посвященных сосудах VI-III вв. до н. э. (Русяева, 1992, с.117, рис.36). Их символы в виде многолучевой звезды и двух шапопилосов вырезаны на одном ольвийском декрете эллинистического времени (IOSPE 33); эти символы неоднократно чеканили на ольвийских, херсонесских и боспорских монетах (Гайдукевич, 1949, с. 584, табл. 2, 33; Анохин, 1977, № 27-32; 189, 190). Изображение звезды косвенно указывает на знание мифа о преображении Диоскуров в созвездие Близнецов. В эллинистический период ольвиополиты и боспоряне носили перстни с изображением Диоскуров (№ 94).

Гомер и другие древние авторы писали о причислении к богам обоих Диоскуров (Hom. Od. XI, 304; Apollod. Bibl. III, 11, 2). Момент восхождения Кастора, Полидевка и Геракла на Олимп, где их ждут боги во главе с Зевсом, нарисован на кратере из кургана Бакса близ Пантикапея (рис. 17; № 90). Вазописец изобразил братьев, скачущих верхом на конях рядом друг с другом, а Геракл нарисован стоящим на колеснице, управляемой возницей. Кастор и Полидевк считались современниками Геракла: они вместе отправлялись в походы за золотым руном и на войну с Троей. Поэтому не случайно Диоскуры включены в роспись пелики из того же кургана. На ее лицевой стороне представлено совершенное перед отправлением в Троию жертвоприношение Геракла нимфе острова Хриса (рис. 24; № 91). Братья нарисованы рядом с юношей, совершающим возлияние на алтарь.

В качестве братьев Елены Диоскуры присутствуют на картинах, украшающих гидрию и лекиф из Пантикапея (№ 92, 93). На первой Парис уговаривает Елену бежать с ним в Троию (рис. 25), а на другой вазе он увозит красавицу на колеснице (рис. 26). Диоскуры представлены в виде обнаженных юношей, которые лишь наблюдают за действиями Париса. В других же мифах о Елене они активно участвовали в ее судьбе, например, освободили сестру, похищенную Тесеем (Diod Sic. IV, 63). Иллюстрация не известного сейчас мифологического сюжета украшает пелику, найденную на Тамани (№ 66). Вазописец нарисовал Леду с сыновьями, стоящими у жертвенника.

Все перечисленные вазы с изображениями Диоскуров найдены на Боспоре. Они принадлежат к серии дорогих изделий конца V-IV вв. до н. э., которые целенаправленно приобретались их владельцами, как и вазы того же времени с иллюстрациями деяний Геракла. Эти сосуды уцелели в богатых погребениях; вероятно, их поместили туда как вещи, особо ценимые людьми, похороненными в этих могилах.

Тесей

Тесей, афинский герой, принадлежал к поколению Геракла и Диоскуров. Он прославился многими подвигами, некоторые из них изображены на одной архаической ойнохое из Борисфена (№ 95) и на нескольких вазах, найденных в некрополях Пантикапея и Нимфея (№ 96-101). Последние привезены на Боспор из Афин в V- IV вв. до н. э., когда связи обоих государств были наиболее интенсивными, и многие боспоряне посещали Афины (Брашинский, 1963, с. 79- 88; 118- 139; Скржинская, 2002, с. 134- 140). О том, что они знали мифы о Тесее, сейчас можно судить лишь по росписям vaz.

На старшей из этих vaz изображен Тесей с мечом во время нападения на бегущего Минотавра (№ 96). За убийство своего сына Андрогеея царь Крита Минос требовал у афинян дань: раз в девять лет отправлять на остров девять девушек и девять юношей, которые обрекались на съедение Минотавру,

чудовищу, заключенному в лабиринт (Diod. Sic. IV, 61, 77; Apollod. Bibl. III, 1, 4; 16, 8). По описанию античных авторов, Минотавр имел человеческое тело с головой быка. Именно таким он представлен на чернофигурном лекифе из Пантикапея (рис. 27).

Иллюстрации двух других подвигов Тесея украшают чернофигурную ойнохою и две краснофигурные пелики (№ 95, 100, 101). На них представлена борьба героя со свирепым быком, убившим многих людей в окрестностях Марафона, и сражение с амазонкой во время похода воинственных женщин на Аттику (Apollod. Bibl. Epit. I, 6; Plut. Thes. 26). По-видимому, Тесей присутствует и на росписи краснофигурной амфоры, на которой нарисованы участники шествия на празднике Панафиней и стоящий перед Афиной юноша (№ 97). Этого молодого человека, снявшего шлем перед богиней, вероятно, можно отождествить с Тесеем (рис. 28), потому что, по преданию, этот герой учредил Панафиней (Plut. Thes. 25).

Тесей был другом лапифа Пирифоя, поэтому он взялся помочь ему похитить Персефону из Аида. За это друзья были наказаны: их приковали к скале в подземном царстве (Diod. Sic. IV, 63; Apollod. Bibl. II, 5, 12). Когда Геракл спустился в Аид за Кербером, узники увидели героя и просили освободить их, но Геракл смог оторвать от скалы и вернуть на землю лишь Тесея. Эта сцена представлена на краснофигурной пелике (№ 99; рис. 20); эпизод из мифа о Тесее и Пирифое украшал еще одну вазу, от которой уцелел лишь фрагмент с надписью имен этих героев (№ 98).

Персей

В греческой мифологии Персей, сын Зевса и Данаи, входил в число греческих героев старшего поколения. По преданию, Персей неосторожно пообещал ради женитьбы на дочери царя Полидекта сделать ему любой подарок, например, принести голову горгоны. Три горгоны, рожденные морскими божествами Форкием и Кето, обитали, по верованиям греков, у Океана на границе с потусторонним миром. У них были ужасные лица с выпученными глазами, а изо рта торчали огромные клыки. От их взора все живое превращалось в камень. Две из них, Стено (сильная) и Эвриала (далеко прыгающая), были бессмертными, а третья, Медуза (владычица) не обладала этим качеством, поэтому Тесей мог убить только третью сестру.

Великолепное изображение Горгоны на гемме принадлежало жителю Пантикапея (№ 103); эта оправленная в золото голубая халцедоновая инталия служила владельцу оберегом и печатью (рис. 29). В начале V в. до н. э. выдающийся мастер вырезал на камне истинный шедевр (Неверов, 1983, с. 34). Голова Горгоны представляет традиционную маску чудовища с большими клыками и змеями в волосах; изящное молодое женское тело этой фантастической женщины, вызывавшей ужас и восхищение, облачено в полупрозрачную одежду

и снабжено четырьмя серповидными крыльями; такие же крылья, но меньших размеров, прикреплены к сапожкам на ногах. Характерная для многих фигур архаического времени поза «коленипреклоненного бега» в сочетании с крыльями, по-видимому, передает полет Горгоны.

Боги Афина и Гермес помогли Персею справиться с труднейшим поручением; они рассказали, как добыть волшебные предметы: крылатые сандалии, чтобы пролететь над океаном, сумку для своей добычи и шапку-невидимку. Эти сандалии и шапка изображены на пелике из Пантикапея (№ 105). Избегая убийственного взора Медузы, Персей отсекал ей голову, глядя на отражение в своем щите. Из обезглавленного тела выпрыгнули сыновья этой фантастической женщины, рожденные от Посейдона, – Хрисаор и крылатый конь Пегас. Герой сложил отрубленную голову в сумку и двинулся в обратный путь. Стено и Эвриала бросились преследовать убийцу сестры, но он, надев шапку-невидимку, легко скрылся от них. Затем Персей отдал Гермесу крылатые сандалии и волшебную сумку, а голову Медузы вручил Афине, которую она поместила на свой щит (Hes. Theog. 276-278; Pind. Pyth. X, 43- 48; Apollod. II, 4, 2- 4).

Иллюстрации этого сюжета сохранились на нескольких памятниках искусства VI- IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья, что свидетельствует о знании здесь этого мифа. На одной пелике из пантикапейского некрополя нарисован Персей, отсекающий голову Медузе (№ 105). Фигура героя, держащего голову Медузы, украшала перстень боспорянина в конце IV- начале III вв. до н. э. (№ 106). Следующий этап мифа изображен на чернофигурном скифосе, найденном на Березани (№ 102). Там нарисованы три крылатые горгоны в коротких хитонах; у средней нет головы, а две другие в позе коленипреклоненного бега, наверное, спешат догнать убийцу (рис. 30), но его не видно, потому что Персей успел надеть шапку-невидимку. Идентичная по содержанию сцена украшала костяную облицовочную пластинку, обнаруженную близ Горгииппии (№ 104). На ее обломке уцелела фигура поверженной Медузы и ее бегущей сестры.

В первоначальном варианте мифа Афина поместила голову Медузы на свой щит. Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» изложил эту версию, опираясь на какой-то древний источник. С середины VI в. до н. э. в Афинах стали считать, что горгонейон украшал эгиду Афины (Marx, 1993, p. 238). На памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья первый вариант изображений встречается гораздо реже, чем второй, и большинство их происходит из Ольвии. Там выделяли особо важную роль Афины в предании о Медузе горгоне и рассказывали о чудесных защитных свойствах ее головы. Отражением таких представлений ольвиополитов стали маски чудовища на местных монетах V-IV вв. до н. э. Не случайно именно в Ольвии найден штамп для производства бляшек с головой горгоны. Подобные золотые и бронзовые украшения V-IV вв. до н. э. на одежде и покрывалах

находились во многих погребениях разных греческих некрополей в Северном Причерноморье (Скржинская, 2010, с. 206.).

Беллерофонт

Беллерофонт, как и Персей, был представителем старшего поколения героев. Все греки знали о его деяниях, описанных в поэмах Гомера и Гесиода. (Hom. II. VI, 155, 195; Hes. Theog. 319-325). Герой совершил несколько подвигов, выполняя труднейшие задания Иобата, царя Ликии. По его велению, Беллерофонт вступил в бой с Химерой. Ее тело состояло из соединения голов и туловищ льва, козы и змеи. Трехглавая огнедышащая Химера обитала в горах Ликии и наводила ужас на людей, опустошая окрестности. К ней невозможно было подойти, так как одна из ее голов изрыгала пламя. Беллерофонт смог одержать победу с помощью крылатого коня Пегаса, который вознес своего седока высоко над землей, и оттуда, стреляя из лука, герой убил чудовище. (Apollod. Bibl. II, 3, 2). Иллюстрация этого мифа украшает серебряный килик из Семибратнего кургана на азиатской стороне Боспора; На дне сосуда выгравирована фигура сидящего на Пегасе героя в момент его борьбы с Химерой (№ 107).

Изображения Пегаса на привозных вазах, на кизикинских статерах, ювелирных изделиях и на местных боспорских и херсонесских монетах могли напоминать мифы о подвигах Беллерофонта.

Древнегреческую мифологию условно можно разделить на две части. Одна содержит мифы, известные во всем эллинском мире, другая – местные предания, бытовавшие в отдельных районах. Многочисленные мифы первой группы входили в круг знаний всех греков, в том числе живших в Северном Причерноморье. Эти мифы были одним из факторов осознания принадлежности греков из разных государств к той общности, которую Геродот назвал τό Ελληνικόν (Her. VIII, 144). Наряду с общими мифами сюда входили кровное родство, сходные образ жизни и жертвоприношения, общие праздники и святилища богов (Kearns, 1989, p. 104). По некоторым замечаниям древних авторов, но главным образом по памятникам искусства, нам известно, что на протяжении всего периода существования античных государств на северных берегах Понта греки хорошо знали много таких мифов, в их числе рассказы о подвигах Геракла, о детстве Ахилла и его участии в Троянской войне.

О мифах второй группы уцелело меньше свидетельств. Среди них были рассказы о том, как Геракл и Ахилл посещали Скифию. Эти мифы родились на раннем этапе освоения северного побережья Черного моря и продолжили свойственную всем эллинам традицию связывать историю своего полиса с древней мифологической историей всех греков. Такие предания в глазах колонистов утверждали их право владения землями на территории Скифии. Геродот сделал уникальную запись ольвийского мифа о происхождении скифов от

Геракла и местной змееногой богини; в передаче историка сохранился не только подробный сюжет, но также стиль и мелкие подробности устного рассказа. Текст Геродота позволяет узнать, какими приемами устного повествования пользовались в Ольвии талантливые исполнители фольклорных произведений. В «Географию» Страбона включено краткое содержание боспорского варианта мифа об участии Геракла в борьбе богов и гигантов. Безусловно, в святилище Ахилла на Таманском полуострове существовали местные предания о герое. К сожалению, нам совершенно не известны сказания о местных героях; уцелело лишь имя одного из них: в декрете Протогена упомянут памятник герою Сосию в ольвийской гавани (IOSPE I².32).

Региональные мифы о происхождении названия Ахиллов Дром получили известность за пределами Ольвийского полиса благодаря панэллинским играм на Тендровской косе, а афинские мифы о Тесее знали на Боспоре в период наивысшего расцвета связей между этими государствами в V-IV вв. до н. э.

Мифы об Ахилле на острове Левке были плодом творчества мореходов из разных греческих государств, осуществлявших торговлю в Причерноморье. Поэтому эти мифы стали известны далеко за пределами священного острова Ахилла. Не случайно Филострат услышал во Фракии подробный пересказ легенд об Ахилловом острове. Намеки на их содержание в одах Пиндара или трагедиях Еврипида понимали большинство эллинов.

Как и в Элладе, греки в Северном Причерноморье наделяли героев чертами, присущими образцовому гражданину. Ахилл и Геракл в их представлении внешне и внутренне были гармонично развиты. Они оба избирали трудный путь, на котором предстояло совершить много доблестных подвигов, а свой досуг герои посвящали атлетическим состязаниям, пению и игре на музыкальных инструментах. Свидетельством подобных представлений могут служить не только общегреческие мифы; таковы были ольвийское предание об атлетических состязаниях Ахилла и его друзей после морской победы, рассказы о том, как Ахилл поет и играет на лире во время застолий на острове Левке. находка в Херсонесе статуэтки Геракла с лирой (№ 62) соответствует описанию героя у Феокрита (XXIV, 109-110) и Плутарха (De mus. 1114a).

На сценах греческих театров Геракл предстал не только мужественным героем, но и комическим персонажем, обжорой и пьяницей. Оба театральные образа были известны грекам в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют терракоты, изображающие Геракла в этих двух ипостасях.

По немногочисленным памятникам искусства VI-IV вв. до н. э. можно судить, какие еще герои были известны в колониях Северного Причерноморья: это Диоскуры, Тесей, Персей и Беллерофонт. Культ Диоскуров, защитников мореплавателей, существовал во многих государствах Причерноморья, поэтому и мифы о неразлучных братьях пользовались здесь популярностью. Мифы о Тесее знали благодаря тесным контактам с Афинами, Персея вспоминали

в связи с многочисленными изображениями Медузы-Горгоны, Персея – в связи с изображениями Пегаса.

Многофигурные композиции на темы мифов о героях украшали вазы, входившие в парадный сервиз боспорян (рис. 16-18, 20, 24, 25, 26). Такие картины способствовали тому, что участники застолий вспоминали разнообразные мифы о героях и обсуждали изображения второстепенных персонажей, действовавших в литературно обработанных преданиях и нарисованных вазописцами. Последние зачастую вольно копировали картины известных живописцев.

В период эллинизма затухает процесс стихийного народного мифотворчества (Зайцев, 2005, с. 49). Поэтому неудивительно, что мифы, возникшие в среде греков Северного Причерноморья, по косвенным данным датируются VI-V вв. до н. э. Однако в виде культурного наследия мифы продолжали свою жизнь вплоть до заката античности в произведениях античных писателей и художников. Об этом свидетельствуют находки памятников прикладного и монументального искусства из Херсонеса и городов Боспора и записанные в римское время легенды Ахиллова острова.

Религия греков не имела строгих догматов; она не обязывала безоговорочно доверять событиям, изложенным в том или ином мифе, поэтому каждый мог верить или сомневаться в достоверности любого сказания, о чем хорошо написал Диодор Сицилийский (IV, 8, 1), приступая к изложению серии мифов о Геракле. Поэтому для одних дух Ахилла еще и в римское время действительно обитал на острове Левке, и по ночам герой пировал там со своей супругой и друзьями, а для других это сказание уже давно представлялось поэтическим вымыслом.

КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГЕРОЕВ

I. Мифы о Пелее, Фетиде и об их сыне Ахилле

1. Пелей, догоняющий Фетиду. Фрагмент чернофигурного килика 570- 560 гг. до н. э. Березань. LIMC. Bd. 7. S. 256. № 52.
2. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. Чернофигурный килик. 500 гг. до н. э. Ольвия. АП. № 31; ОАМ. № 51; LIMC. Bd. 1. S. 46. № 29.
3. Борьба Пелея и Фетиды. Золотой браслет с рельефным изображением. 475- 450 гг. до н. э. Курган Куль-Оба близ Пантикапея. Артамонов 1966. Табл. 206; ГЗ. № 82.
4. Фетида, превращающаяся в лань, льва и змею во время борьбы с Пелеем. Фрагмент краснофигурного килика. 410 г. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. С. 181- 182. Табл. 4, 3; LIMC. Bd. 7. S. 264.
5. Фетида на гиппокампе. Терракота. Рубеж V- IV вв. до н. э. Ольвия. Русяева 1982. С. 92.
6. Нереиды, везущие оружие Ахиллу. Золотые серьги. 360- 350 гг. до н. э. Курган Куль-Оба близ Пантикапея. Саверкина 2000. С. 11. Рис. 1.
7. Фетида на гиппокампе везет оружие Ахиллу. Две парные золотые подвески к головному убору. 330- 300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ОАК 1865. С. 41- 48. Табл. 2; ГЗ. С. 186, 267. № 120, 202.
8. Голова Ахилла. Ойнохоя с рельефом. IV в. до н. э. Тира. Самойлова, Кожакару 2002. С. 109- 113.
9. Нереиды на гиппокампах, морских драконах и гиппокентавре везут оружие Ахиллу. Резные позолоченные украшения деревянного саркофага. Конец IV- III вв. до н. э. Горгиппия. ОАК. 1882- 1888. Табл. 3; Иванова 1958. С. 99- 100. Рис. 4, 5, 7; Сокольский 1969. С. 30. Табл. 12, 3; 13, 2 и 3.
10. Эпизоды из жизни Ахилла (воспитание у Хирона, жизнь на Скиросе среди дочерей Ликомеда, выступление на Троянскую войну). Фрагмент мраморного саркофага. Вторая половина II в. н. э. Мирмекий. Саверкина 1962. С. 247- 263; LIMC. Bd. 1. Taf. 70.
11. Статуя Ахилла с копьем. Монеты Ольвии. Конец II в. н. э. Карышковский 1986. С. 32.

II. Мифы о Геракле

Сражение с Киферонским львом

12. Геракл, закалывающий льва мечом. Фрагмент чернофигурной леканы. 550- 530 гг. до н. э. Пантикапей. Толстиков 1992. Рис. 8, 13.
13. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный килик. 550- 530 гг. до н. э. Кепы. РОИ. 2004. № 49.

Двенадцать подвигов (изображения всех или нескольких подвигов)

14. Шесть подвигов Геракла. Малоазийский краснолаковый кубок. II в. н. э. Тиритака. Наливкина 1958. С. 312-316.
15. Подвиги Геракла. Монеты боспорского царя Савромата II. Последняя треть II в. н. э. Масленников 1986. С. 178- 180.
16. Двенадцать подвигов Геракла. Фреска на стене склепа. Горгиппия. II- III вв. н. э. АГСП 1984. С. 140. Табл. 42; Алексеева 1997. С. 217, 218. Рис. 256.

17. Три подвига Геракла. Плита мраморного саркофага. III в. н. э. Херсонес. АСХ. № 465; АП. № 181.

Борьба с Немейским львом (первый подвиг)

18. Борьба Геракла со львом. Чернофигурная ойнохоя. Первая четверть VI в. до н. э. Ольвия. Назарчук 1988. С. 202. Рис. 4, 1.
19. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный скифос. 525- 500 гг. до н. э. Ольвия. АНО. № 123, 8.
20. Борьба Геракла со львом. Чернофигурная пелика. Рубеж VI- V вв. до н. э. Хора Ольвии. Марченко, Доманский 1991. С. 59. Рис. 5, 3.
21. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 116. № 175.
22. Борьба Геракла со львом. Фрагмент чернофигурного сосуда. Первая четверть V в. до н. э. Керкинитида. Кутайсов 1992. С. 48.
23. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный лекиф. 480 гг. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 30. Рис. 13.
24. Геракл, удушающий льва. Золотые бляшки боспорского производства. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей и Курган Куль-Оба. ДБК. Табл. 20, 3; Копейкина 1986. С. 55; РОИ. 2004. № 50.
25. Геракл, удушающий льва. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э. Кепы. РОИ. 2004. № 51.
26. Борьба Геракла со львом. Терракотовая статуэтка II-I вв. до н. э. Хора Боспора (Мыс Зюк). Масленников 2006. С. 31. Рис. 27.
27. Борьба Геракла со львом. Фрагмент мраморной статуи. I- II вв. н. э. Херсонес. АСХ. № 58.
28. Борьба Геракла со львом. Украшение мраморного саркофага. Третья четверть II в. н. э. Херсонес. Рабинович, Садикова 2010. С. 336- 338.

Погоня за Керинейской ланью (третий подвиг)

29. Геракл, хватающий лань за рога. Форма для отливки рельефа. Горгиппия. Первые века н. э. Алексеева 1997. С. 219. Табл. 188.
30. Геракл, хватающий лань за рога. Рельеф на керамических светильниках римского времени. Херсонес. Щеглов 1960. С. 22-24. Рис. 1; Бондаренко 2003. С. 124.
31. Геракл с ланью. Рельеф на краснолаковом блюде римского времени. Хора Херсонеса. Бондаренко 2003. С. 124.

Эриманфский вепрь (четвертый подвиг)

32. Геракл, несущий на плече вепря. Рельеф на светильнике римского времени. Херсонес. ОАК 1896. С. 195. № 785.

Ловля Критского быка (седьмой подвиг)

33. Ловля Критского быка. Чернофигурная ойнохоя. 500 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1896. С. 28; На краю ойкумены 2002. № 10; РОИ. № 54.
34. Ловля Критского быка. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Ольвия. ОАК 1912. С. 34; АНО. С. 116. № 175, 1.

Укрощение кобылиц Диомеда (восьмой подвиг)

35. Геракл, укрощающий кобылиц Диомеда. Рельеф на мраморном жертвеннике. IV-III вв. до н. э. Херсонес. АСХ № 65. Рис. 40.

Сражение с амазонками (девятый подвиг)

36. Геракл, убивающий амазонку. Чернофигурная амфора. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Vogel 1908. № 59; Козуб 1987. С. 59.
37. Сражение Геракла с амазонками. Чернофигурный мастоид. Конец VI в. до н. э. Березань. ОАМ. № 169; GCA № 27.
38. Сражение Геракла с амазонками. Чернофигурный лекиф. Первая четверть V в. до н. э. Нимфей. ДГН. № 42.

Яблоки Гесперид (одиннадцатый подвиг)

39. Борьба с Антеем по пути в сад Гесперид. Чернофигурный лекиф. 500- 490 гг. до н. э. Ольвия. Борисковская 2000. С. 198- 201; РОИ. № 56.
40. Геракл с яблоками Гесперид. Мраморный рельеф. III в. до н. э. Гермонасса. Зеест 1966. С. 77- 82.
41. Геракл у яблони в саду Гесперид. Боспорские монеты. Вторая половина I в. до н. э. Анохин 1986. С. 149-150.
42. Геракл с яблоком в руке. Терракотовая герма. II-III вв. н. э. Хора Пантикапея. ТС. 1970. С. 114.
43. Геракл с яблоками Гесперид. Рельеф на керамическом светильнике римского времени. Херсонес. Бондаренко 2003. С. 124.

Сражения Геракла с кентаврами

44. Геракл, преследующий кентавра. Чернофигурный лекиф. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 97. № 144. 2.
45. Геракл, сражающийся с кентавром. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Тамань. ИАК. № 56. С. 28; На краю ойкумены 2002. № 12; РОИ. № 57.
46. Геракл, кентавр и Деянира (?). Чернофигурный лекиф. 500- 490 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 99. № 148.
47. Геракл, спасающий Деяниру (?) от кентавра Несса. Краснофигурная пелика. 350-340 гг. до н. э. Большая Близница (Тамань). ОАК 1865. С. 107-110. Табл. 4; UKV. № 396; ГЗ. С. 184. Рис. 57.
48. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от свадьбы с кентавром Эвритионом. Краснофигурная пелика. 340 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 53; UKV. № 365; LIMC. Bd. 3. S. 359. № 5.

Иллюстрации других мифов с участием Геракла

49. Сражение Геракла с гигантом Алкионеем. Два чернофигурных алабастра. 480 гг. до н. э. Пантикапей. Горбунова 1979. С. 39-40. Рис. 4, 5.
50. Борьба Геракла и Аполлона за дельфийский треножник. Чернофигурный лекиф. Вторая четверть V в. до н. э. Тузлинский некрополь. РОИ. № 58.

51. Апофеоз Геракла на Олимпе. Фрагмент краснофигурного кратера. Рубеж V-IV вв. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея Schefton 1992. P. 149- 181; LIMC. Bd. 5. S. 125; Bd. 7. S. 472. № 232.
52. Геракл, приносящий жертву богине острова Хриса перед отправлением в Троию. Краснофигурная пелика 400-390 гг. до н.э. Курган Бакса близ Пантикапея. Передольская 1971. С. 47. Рис. 1; МГВ. С. 108; LIMC. Bd. 3. S. 280. № 4.
53. Геракл, приносящий жертву Зевсу Кенейскому. Фрагмент краснофигурного кратера. 390 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1876. С. 161. Табл. 5, 1; Передольская 1971. С. 48, 49. Рис. 7; LIMC Bd. 5. S. 112. № 2788.
54. Геракл среди богов и участников Элевсинских мистерий. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. ГЗ. Рис. 52; UKV. 368; LIMC. Bd. 5. S. 112.
55. Геракл, освобождающий Тесея из Аида. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н.э. Пантикапей. Болтунова 1971. С. 159; АМ. № 50; Шталь 2000. № 218; LIMC. Bd. 7. S. 237.
56. Геракл, Афина, Ника, Иолай и Геба. Краснофигурная пелика. Пантикапей. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. Штерн 1896. С. 94- 109.
57. Геракл, участник Элевсинских мистерий. 14 золотых бляшек из кургана Большая Близница (Тамань) 330-300 гг. до н. э. ГЗ. № 129.
58. Геракл и Омфала. Перстень с геммой. III в. до н. э. Херсонес. Марченко 1999. С. 185.
59. Геракл и Омфала. Перстень с геммой. III в. до н. э. Керкинитида. Бондаренко 2003. С. 125.
60. Омфала, обучающая Геракла прясть. Керамическая форма для медальона. III в. до н. э. Херсонес. Белов 1948. Табл. 5; Борисова 1966. С. 26. № 54.
61. Геракл, лань и младенец Телеф. Керамическая форма для медальона. III в. до н. э. Херсонес. Борисова 1966. С. 26. № 56.
62. Геракл, играющий на лире. Терракотовый рельеф эллинистического времени. Хора Керкинитиды. Павленков 1998. С. 72-73.
63. Борьба Геракла и Аполлона за Дельфийский треножник. Сердоликовая печать. I в. до н. э. Нимфей. Круглов 2000. С. 217- 226.

Геракл – герой драматических произведений

64. Комический актер в роли Геракла. Терракота из местной глины. Пантикапей. Конец V- начало IV вв. до н. э. Пантикапей. Силантьева 1974. С. 20. № 41.
65. Комический актер в роли Геракла. Две терракотовые статуэтки. IV в. до н. э. Херсонес. ТС. 1970. С. 73, № 4, 6.
66. Сидящий пьяный Геракл. Терракота. Первая половина IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Передольская 1962. С. 77. Рис. 33.
67. Сидящий пьяный Геракл. Терракота. Первая половина IV в. до н. э. Хора Ольвии (Кошары). Редина, Хохоровски 2001. С. 148.
68. Комический актер в роли Геракла. Терракота. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Передольская 1962. С. 77. Рис. 34. Музы и маски 2005. № 65.
69. Трагическая маска Геракла. Терракота II- I вв. до н. э. Пантикапей. Музы и маски. 2005. № 101.

70. Маска Геракла. Фрагмент терракоты I в. н. э. Херсонес. Бондаренко 2003. С. 121.
71. Маска Геракла. Терракота местного производства. I-II вв. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. № 227.
72. Маска Геракла. Терракота местного производства. II в. н. э. Илурат. ТС. 1970. С. 118. № 10.

Монеты с изображением Геракла

73. Геракл, натягивающий тетиву лука. Серебряные статеры. Третья четверть V в. до н. э. Ольвия. Анохин 1989. С. 15-17.
74. Голова молодого Геракла. Ольвийские монеты. III в. до н. э. Анохин 1989. № 276-302; 312
75. Голова молодого Геракла. Херсонесские монеты. III в. до н. э. Анохин 1977. С. 25-29. Табл. 9, 10.
76. Голова молодого Геракла. Монеты боспорских городов. IV - III вв. до н. э. БЦ. Табл. 2, 30; Анохин 1986. № 42, 90, 134.

Отдыхающий Геракл

77. Геракл, возлежащий на львиной шкуре. Терракота. III в. до н. э. Ольвия. Русяева 2005. С. 454.
78. Пирующий Геракл. Известняковые votивные стелы местного производства. III в. до н. э. Хора Херсонеса. Бондаренко 2003. С. 118- 119; Зубарь 2005. С. 362-365.

Гераклов узел

79. Золотая диадема с геракловым узлом. 300-280 гг. до н. э. Херсонес. ГЗ. № 131.
80. Золотое ожерелье с двумя геракловыми узлами. Середина III в. до н. э. Пантикапей. Deppert- Lippitz 1985. S. 212.
81. Золотая диадема с геракловым узлом, украшенным гранатами. Пантикапей. Первая половина II в. до н. э. Пантикапей. Максимова 1979. С. 47; Deppert- Lippitz 1985. S. 275.
82. Золотая диадема с геракловым узлом, украшенным гранатами. Пантикапей. Первая половина II в. до н. э. Артюховский курган. Максимова 1979. С. 45- 48.
83. Кольцо с геракловым узлом. Эллинистический период. Херсонес. Лепер 1927. С. 223. Рис. 9, 4.
84. Геракл с завязанной на груди шкурой льва. Терракотовые статуэтки боспорского производства. III- I вв. до н. э. Пругло 1968. С. 239- 242. Рис. 1.
85. Гераклов узел. Украшение ручки бронзового светильника. II в. до н. э. Артюховский курган. Максимова 1979. С.94. Рис. 32.
86. Гераклов узел. Украшение ручек двух серебряных канфаров. II в. до н. э. Артюховский курган. Максимова 1979. С. 78. Рис. 24.
87. Повязка с узлом на голове Геракла. Терракотовая маска II- I вв. до н. э. Пантикапей. См. № 69.
88. Гераклов узел. Застежка золотой гривны позднеэллинистического периода. Белов 1927. С. 116. Рис. 11.

III. Диоскуры

89. Диоскуры и Леда у жертвенника. Краснофигурная пелика. Конец V в. до н. э. Тамань. Передольская 1971. С. 47. Рис. 5.
90. Диоскуры и Геракл, поднимающиеся на Олимп. См. № 51.
91. Диоскуры в сцене жертвоприношения Геракла. См. № 52.
92. Диоскуры в сцене мифа о Парисе и Елене. Краснофигурный лекиф. 380- 365 гг. до н.э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 5, 3; UKV. № 291; Шлиман, Петербург, Троя. 1998. № 53.
93. Диоскуры в сцене мифа о Парисе и Елене. Краснофигурная гидрия. 370- 360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 5, 1; UKV. № 159.
94. Диоскуры в шапках-пилосах. Бронзовые перстни. III в. до н. э. Ольвия, Пантикапей. АХБ. № 107; Неверов 1974 С. 107, № 1; Алексеев 2003. С. 39.

IV. Тесе́й.

95. Борьба Тесея с Марафонским быком. Чернофигурная ойнохоя. Конец VI-начало V вв. до н. э. Березань. ББ. № 31.
96. Борьба Тесея с Минотавром. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1912. Табл. 38 а; Борисковская 1997. С. 28. Рис. 8.
97. Тесе́й и Афина. Краснофигурная амфора. Нимфей. 460 гг. до н. э. Передольская 1967. С. 154. № 176. Табл. 19; МГВ. С. 77. Рис. 37.
98. Тесе́й и Пирифой. Фрагмент краснофигурного сосуда. Конец V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. С. 181. Табл. 4; Передольская 1971. С. 50. Рис. 11.
99. Тесе́й в Аиде. См. № 55.
100. Борьба Тесея с Марафонским быком. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. С. 63- 69. Табл. 63а; Штерн 1896. С. 107; UKV. № 32; LIMC. Bd. 7. S. 937. № 193.
101. Битва Тесея с амазонкой. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик 1849. С. 25.

V. Персе́й

102. Обезглавленная Медуза и ее сестры. Чернофигурный скифос. 500 гг. до н. э. Березань. ББ. № 152.
103. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК. 1860. С. 88. Табл. 4; Неверов 1976. № 16; GRA. № 63.
104. Обезглавленная Персе́ем Медуза и ее сестры. Костяная пластинка с гравированным рисунком. V в. до н. э. Горгиппия. Алексева 1997. С. 34, 35.
105. Персе́й, отсекающий голову Медузе. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. С. 112. Табл. 63а; UKV. № 382.
106. Персе́й, держащий голову Медузы. Отгиск перстня на ручке амфоры. Конец V – начало IV вв. до н. э. Боспор. Неверов 2000. С. 31.

VI. Беллерофонт

107. Беллерофонт на Пегасе. Серебряный килик. 460 гг. до н. э. Второй Семибратний курган (Тамань). Горбунова 1971. С. 23- 26. Рис. 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.* Памятники античной культуры из Ольвии // ВДИ. 2003. № 2.
- Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1999.
- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ)
- Античная художественная бронза. Л., 1973. (АХБ)
- Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955. (АГСП 1955)
- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. (АГСП 1984)
- Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 2. Л., 1961.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов из собрания Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966.
- Ашик А.* Боспорское царство. Одесса, 1849. Ч. 3.
- Белов Г.Д.* Римские приставные склепы // Херсонесский сборник. Вып. 2. 1927.
- Белов Г.Д.* Терракоты Херсонеса // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970.
- Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Бондаренко М.Е.* Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
- Борисова В.В.* Керамическое производство Херсонеса // Керамическое производство и античные строительные материалы. САИ Г 1- 20. М., 1966.
- Борисова В.В.* Мраморный рельеф // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
- Борисковская С.П.* Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1997. № 28.
- Борисковская С.П.* Геракл и Антей. Об одном малоизвестном лекифе из Ольвии // Syssitia. Сборник статей памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000.
- Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005. (ББ)
- Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI- II вв. до н. э. М., 1963.
- Буйских А.В.* Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // Боспорские исследования. Вып. 11. Симферополь- Керчь, 2006.
- Буйских А. В., Буйских С.Б.* К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской // Боспорские исследования. Симферополь, 2010.
- Буйських С.Б.* Святилища extra-urban епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. 2004. № 3.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949. (БЦ)
- Горбунова К.С., Передольская А.А.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. (МГВ)
- Горбунова К.С.* Серебряные клики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Горбунова К.С.* Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Грабарь-Пассек М.Е.* Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.
- Граков Б.Н.* Скифский Геракл //КСИИМК. Вып. 34. 1950.
- Диотритов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001.
- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Зайцев А.И.* Греческая религия и мифология. СПб., 2005.
- Зеест И.Б.* Рельеф из Гермонассы с изображением Геракла // Культура античного мира. М. 1966.

- Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в третьей четверти VI-середины I вв. до н. э. Киев, 2005.
- Иванова А.П. Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // ТГЭ. 1958. Вып. 2.
- Карышковский П.О. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. 1960. № 1.
- Карышковский П.О. Монетное дело в Ольвии во второй половине II в. н. э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
- Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М., 1972.
- Козуб Ю.И. Аттическая керамика // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.
- Копылов В.П. Таганрогское поселение в системе древнегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. № 4.
- Круглов А.В. Нимфейская сердоликовая печать с архаической композицией // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешико В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Кутайсов В.А. Керкнитиды. Симферополь, 1992.
- Кутайсов В.А. Керкнитиды в античную эпоху. Киев, 2004.
- Лепер Х. Дневник раскопок Херсонесского некрополя // Херсонесский сборник. Вып. 2. 1927.
- Максимова М.И. Аргюховский курган. Л., 1979.
- Марченко Л.В. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // Херсонесский сборник. 1999. № 10.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. Комплекс вещественных находок на античном поселении Куцуруб I // Археологический сборник. № 31. Л., 1991.
- Масленников А.А. Геракл Савромата II // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Музы и маски. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2005.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М., 2002.
- Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002.
- Назарчук В.И. Охранные раскопки на территории некрополя Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.
- Наливкина М.А. Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла // МИА 1958. № 85.
- Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.
- Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983.
- Неверов О.Я. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993.
- Павленков В.И. Новый сюжет в изобразительном искусстве Херсонеса // Херсонесский сборник. № 9. 1998.
- Передольская А.А. Терракоты из кургана. Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. № 7. 1962.
- Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.
- Передольская А.А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Петров В.П., Макаревич М.Л. Скифская генеалогическая легенда // СА. 1963. № 1.
- Пругло В.И. Геракл в коропластике Боспора // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Рабинович А., Седикова Л.В. Новый саркофаг с изображением подвигов Геракла из Херсонеса // Боспорские исследования. Т. 23. Симферополь- Керчь, 2010.

- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М. 1977.
- Редина Е. Ф., Хохоровски Я.* Кошары // Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 2002. С. 139- 154.
- Русяева А.С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982
- Русяева А.С.* Религия и культуры античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева А.С.* Проникновение эллинов на территорию украинской Лесостепи // ВДИ. 1999. № 4
- Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов. Киев, 2005.
- Саверкина И.И.* Мраморный саркофаг из Мирмекия // ТГЭ. № 7. 1962.
- Саверкина И.И.* Роскошные серьги в Эрмитаже и других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Самойлова Т.Л., Кожакару В. и др.* Исследования античной Тиры и средневекового Белгорода // Археологічні відкриття в Україні 2000 – 2001 рр. Київ, 2002.
- Сапрыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1.
- Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапей. М., 1974.
- Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Скржинская М.В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. (АНО)
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)
- Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969.
- Толстиков В.П.* Пантикапей - столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград, 1918.
- Толстой И.И.* Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Статьи о фольклоре. М. – Л., 1966.
- Трофимова А.А.* Жизнь мифа в аттическом искусстве. Судьба Ахилла // Шлиман, Петербург, Троя. СПб., 1998.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России. СПб., 2002.
- Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V- IV вв. до н. э. СПб., 1995. (ГЗ)
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Шелов- Коведяев Ф.В.* Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3.
- Шлиман, Петербург, Троя. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 1998.
- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики IV в. до н. э. керченский стиль). М., 2000.
- Штерн Э.Р.* Расписная ваза из Керчи // ЗООИД. 1896. Т.19.
- Щеглов А.Н.* Светильник с изображением Геракла // Сообщения Херсонесского музея. Вып. 1. Симферополь 1960.
- Щеглов А.Н.* Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и торговля. Киев, 1974. С. 44-55.
- Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани, Ольвии // ВДИ. 1980. № 2.
- Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.
- Clinton K.* Myth and Kult: The Iconography of the Eleusinian Mysteries. Stockholm, 1992.
- Deppert - Lippitz V.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985.
- Hooker E.M.* Sanctuary and altar of Chryse in attic red figure vase paintings // The Journal of Hellenic studies. T. 70. 1950.

Kaposhina S.I. A Sarmatiàn Royal Byrial at Novocherkassk // *Antiquity*. 1963. V. 37.

Kearns E. The Heroes of Attica. London, 1989.

Marx P.A. The Introduction of the Gorgoneion to the Shield and Aegis of Athena and the Question of Aedoiios // *Revue archeologique*. 1993. Fasc. 2.

Parke H.W. Festivals or the Athenians. London, 1986.

Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // *Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen*. Berlin- Leipzig, 1934. Bd. 4. (UKV).

Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine. New-York, 1999.

Shefton B. The Krater from Baksy // *The Eye of Greece*. Cambridge. 1982.

Trenkner S. The Greek Novella in Classical Period. Cambridge, 1958.

Vogell A. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A. Vogell. Karlsruhe, Kassel, 1908.

М.В. Скржинська

МІФИ ПРО ГЕРОЇВ У АНТИЧНИХ ДЕРЖАВАХ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Резюме

Стаття присвячена вивченню сюжетів міфів про героїв у античних державах Північного Причорномор'я та їх ролі в культурному житті місцевих греків. Для дослідження залучені твори древніх авторів, а також численні пам'ятки мистецтва з розкопок Тіри, Ольвії, Херсонеса і Боспора. Автор поділяє міфи, що побутували в Північному Причорномор'ї, на загальногрецькі й регіональні. Серед останніх виділяються ольвійські і боспорські міфи, а також легенди про Ахілла на Левці, створені не в певному полісі, а в середовищі грецьких мореплавців. Виникнення регіональних міфів датується VII – VI ст. до н. е. На прикладі докладно записаного Геродотом міфу про походження скіфів від Геракла показано, якими прийомами усного повістунства користувались в Ольвії талановиті виконавці фольклорних творів.

Знахідки розписних ваз, ювелірних виробів, теракот, скульптур і фресок, що ілюстрували діяння героїв, дозволяють дізнатися про багато загальногрецьких міфів, відомих грекам на всьому протязі їх життя в античному Північному Причорномор'ї. У цих міфах описувались подвиги Ахілла, Геракла, Тесея, Персея, Діоскурів і Беллерофонта. Картини на вазах з парадного сервізу сприяли тому, що учасники застілля пригадували різноманітні міфи про героїв і обговорювали зображення другорядних персонажів, що діяли в літературно оброблених переказах і намальованих вазописцями. Останні часто вільно копіювали картини відомих живописців. Теракотові статуетки і маски свідчать про наявність у репертуарі театрів Херсонеса і Боспора трагедій і комедій за участю Геракла.

М. В. Скржинская

МИФЫ О ГЕРОЯХ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме

Статья посвящена анализу сюжетов мифов о героях в античных государствах Северного Причерноморья и их роли в культурной жизни местных греков. Для исследования привлечены сочинения древних авторов, а также многочисленные памятники искусства из раскопок Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора. Автор разделяет мифы, бытовавшие в Северном Причерноморье, на общегреческие и региональные. В числе последних выделяются ольвийские и боспорские, а также легенды об Ахилле на Левке, созданные не в определенном полисе, а в среде греческих мореходов. Возникновение региональных мифов относится к VII- VI вв. до н. э. На примере подробно записанного Геродотом мифа о происхождении скифов от Геракла показано, какими приемами устного повествования пользовались в Ольвии талантливые исполнители фольклорных произведений.

Находки расписных ваз, ювелирных изделий, терракот, скульптур и фресок, иллюстрирующих деяния героев, позволяют узнать о многих общегреческих мифах, известных грекам на всем протяжении их жизни в античном Северном Причерноморье. В этих мифах описывались подвиги Ахилла, Геракла, Тесея, Персея, Диоскуров и Беллефонта. Картины на вазах из парадного сервиза способствовали тому, что участники застолий вспоминали разнообразные мифы о героях и обсуждали изображения второстепенных персонажей, действовавших в литературно обработанных преданиях и нарисованных вазописцами. Последние зачастую вольно копировали картины известных живописцев. Терракотовые статуэтки и маски свидетельствуют о наличии в репертуаре театров Херсонеса и Боспора трагедий и комедий с участием Геракла.

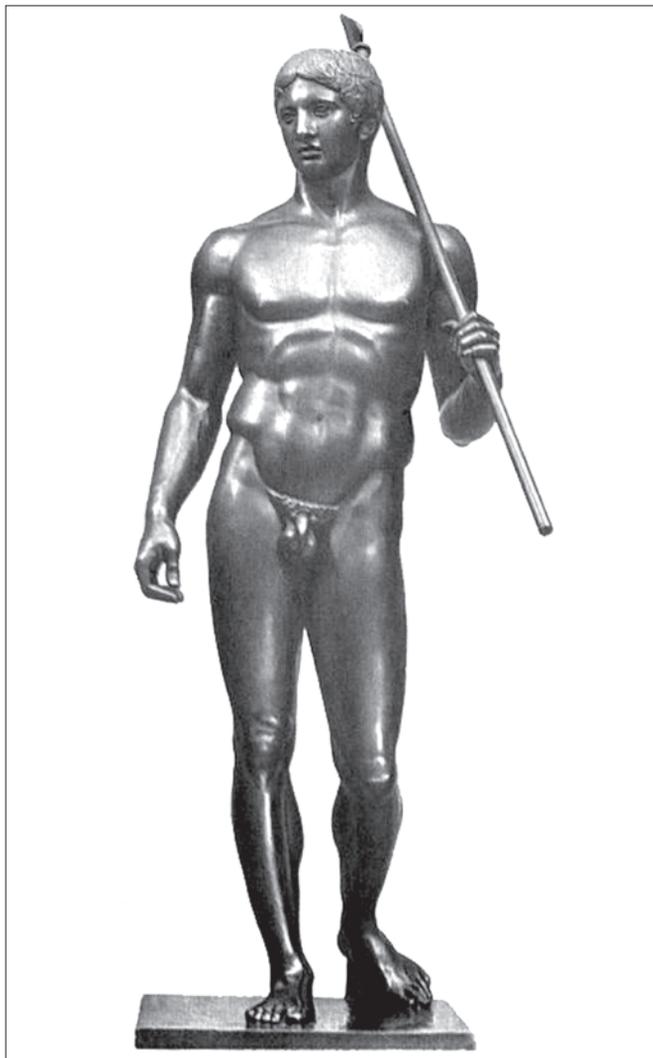
M. V. Skrzhyńska

MYTHS ABOUT THE HEROES IN ANCIENT
NORTH PONTIC STATES

Summary

The article analyzes the plots of myths about heroes in ancient North Pontic states and their roles in cultural life of the local Greeks. Writings of ancient authors, as well as numerous works of art from the excavations of Tyra, Olbia, Chersonese, and the Bosphorus have been used in the research. The author divides the myths that existed in the northern Black Sea coast, into general Greek myths, and regional ones. Among the latter, Olbian and Bosphoran myths are distinguished, as well as the legend of Achilles created not in a particular polis, but by Greek sailors. The appearance of regional myths relates to the 7th-6th centuries B.C. It is shown on the example of the myth recorded by Herodotus in details about the origin of the Scythians from Hercules, what methods of oral narration talented performers of folklore used in Olbia.

Findings of painted vases, jewelry, terracotta, sculptures, and frescoes illustrating acts of heroes, let us learn about many Greek myths, which all the Greeks knew throughout their lives in the ancient north Black Sea coast. The labors of Achilles, Heracles, Theseus, Perseus, the Dioskuri, and Bellerophon were described in these myths. Paintings on vases of ceremonial dinner service ensured that the participants of the feasts remembered various myths about the heroes and discussed the images of secondary characters, which acted in the literary processed legends and were reproduced by vase painters. The latter often copied pictures of famous artists freely. Terracotta statuettes and masks indicate the presence of tragedies and comedies with participation of Hercules character in the repertory of Chersonese and the Bosphorus.

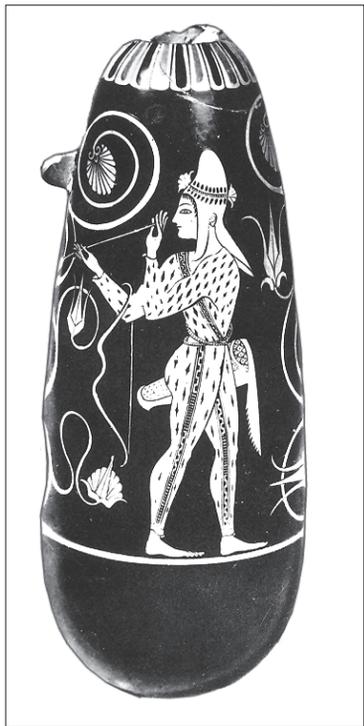

Рис. 1. Ахилл с копьем (Дорифор). Римская копия статуи Поликлета.

Рис. 2. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. Чернофигурный килик из Ольвии. 500 гг. до н. э.

Рис. 3. Фетида на гиппокампе везет оружие Ахиллу. Две парные золотые подвески к головному убору из кургана Большая Близница (Тамань). 330-300 гг. до н. э.

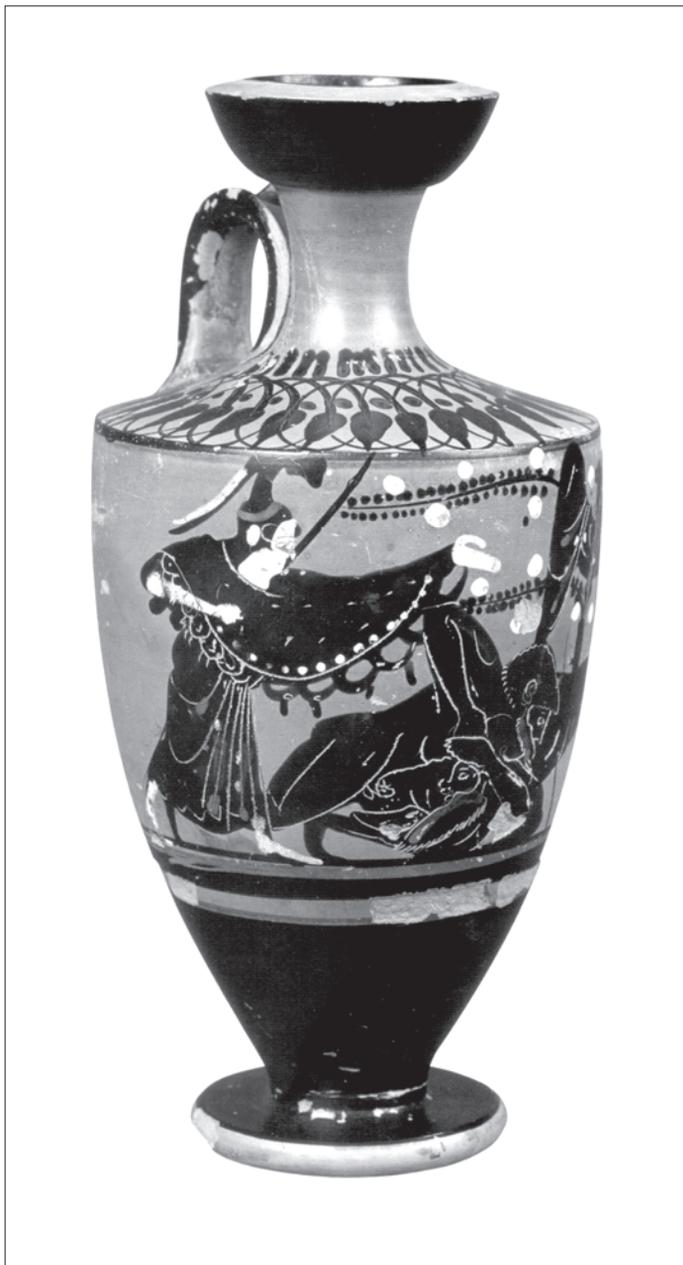
Рис. 4. Амазонка со скифским луком. Краснофигурный алабастр. Конец VI в. до н. э.

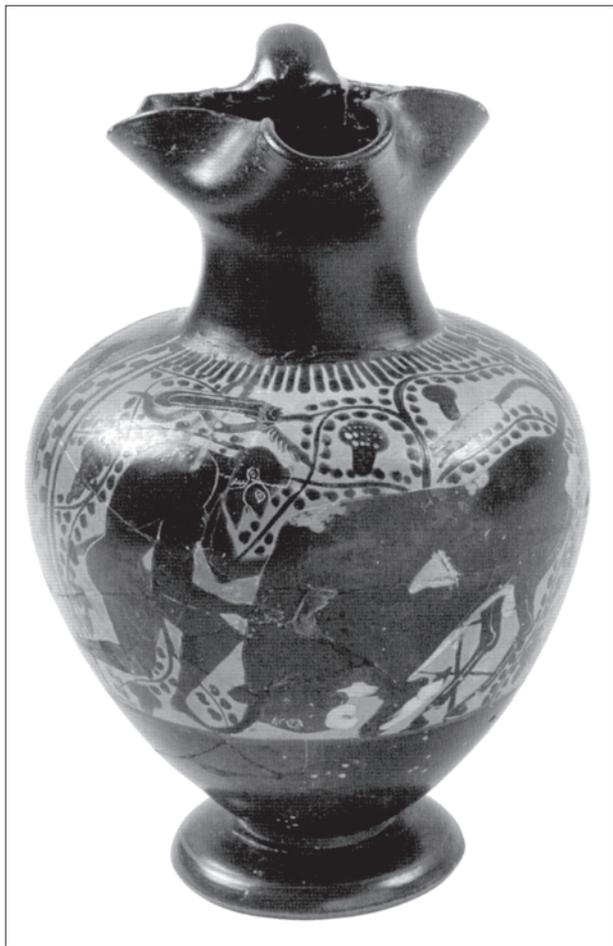
Рис. 5. Геракл, натягивающий тетиву лука. Серебряная ольвийская монета. Третья четверть V в. до н. э.

Рис. 6. Скиф, натягивающий лук. Прорисовка изображения на электрической чаше из кургана Куль-Оба. IV в. до н. э.

Рис. 7. Борьба с Антеем по пути в сад Гесперид. Чернофигурный лекиф из Ольвии. 500- 490 гг. до н. э.

Рис. 8. Ловля Критского быка. Чернофигурная ойнохоя из Пантикапея. 500 гг. до н. э.

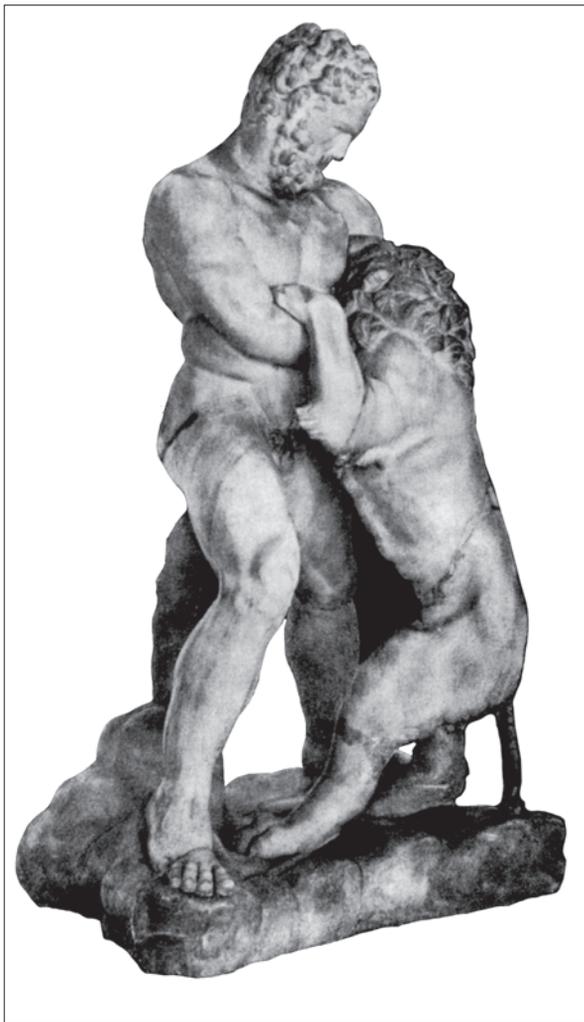

Рис. 9. Геракл, укрощающий коней Диомеда. Монета боспорского царя Савромата II из серии монет с изображением двенадцати подвигов. Последняя треть II в. н. э.

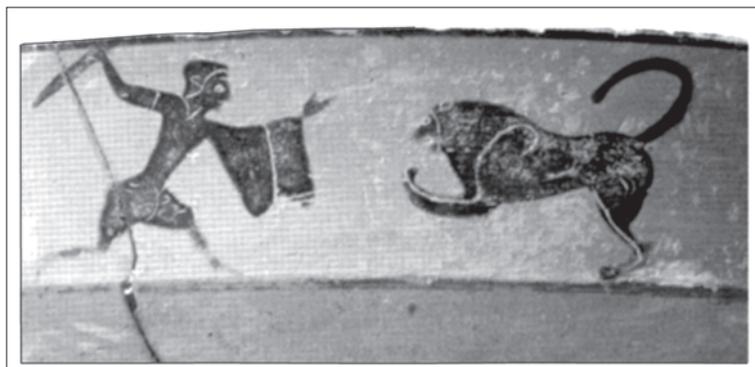

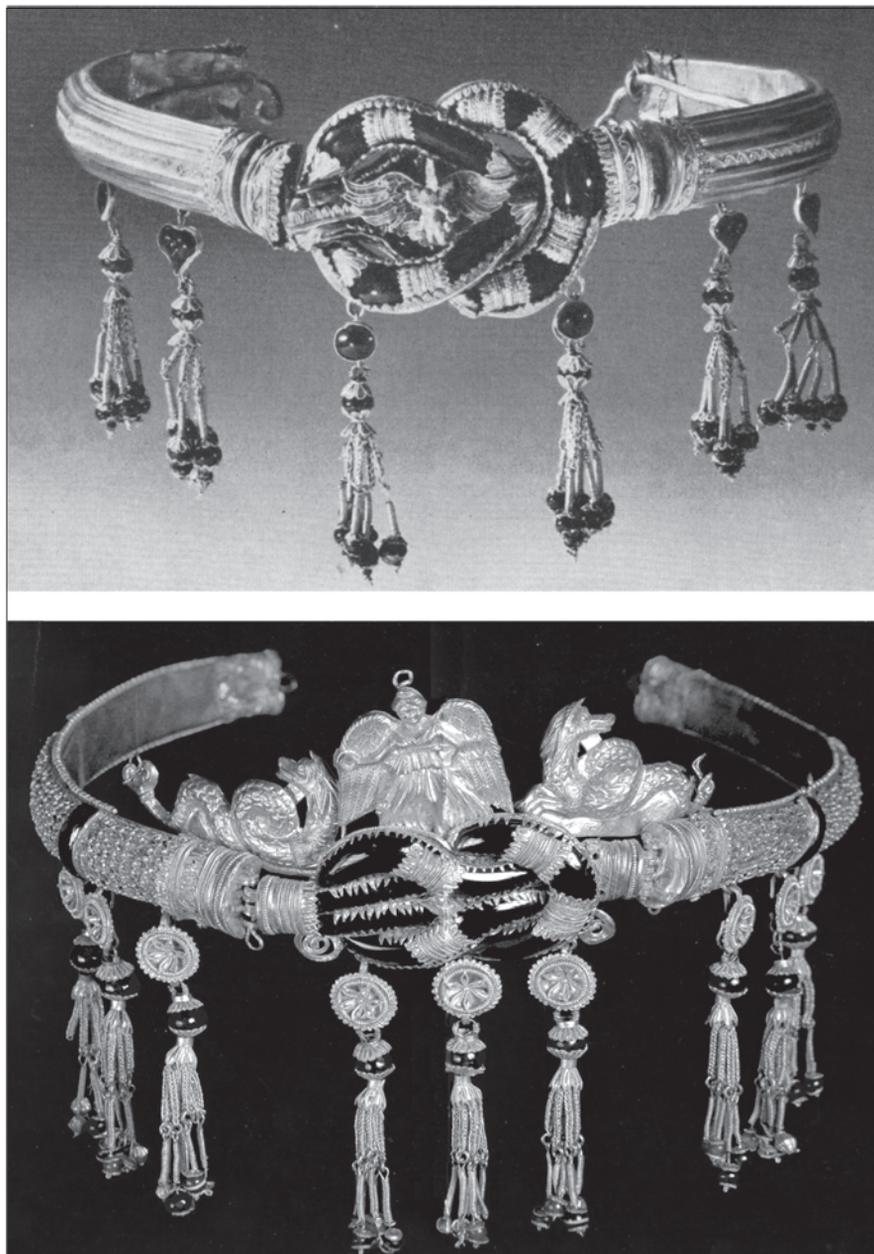
Рис. 10. Геракл, укрощающий Керинейскую лань. Светильник римского времени из Херсонеса.

Рис. 11. Геракл, удушающий льва. Римская мраморная копия с оригинала Лисиппа.

Рис. 12. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный килик из Кеп. 550-530 гг. до н. э.

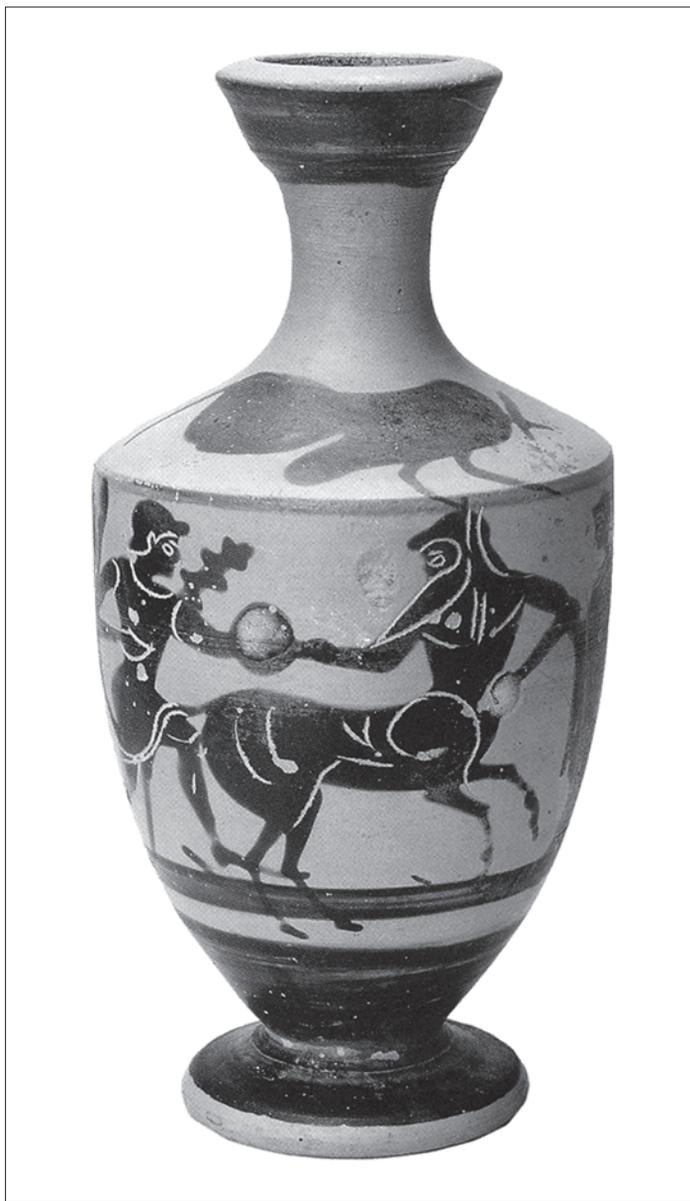

Рис. 13. Гераклов узел на золотых диадемах из Пантикапея и Артюховского кургана. Первая половина II в. до н. э.

Рис. 14. Гераклов узел на ручках серебряных канфаров из Артюховского кургана. Первая половина II в. до н. э.

Рис. 15. Сражение Геракла с кентавром. Чернофигурный лекиф из раскопок на Тамани. Конец VI в. до н. э.

Рис. 16. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от свадьбы с кентавром Эвригионом. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 340 гг. до н. э.

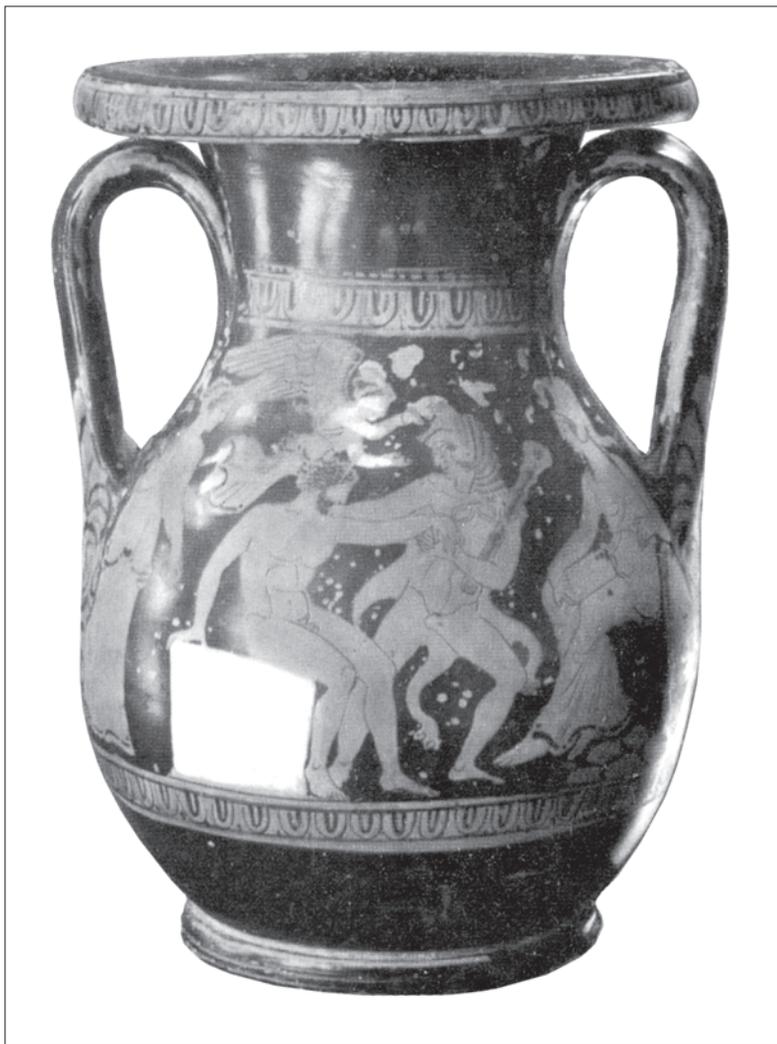
Рис. 17. Апофеоз Геракла на Олимпе. Фрагмент краснофигурного кратера из кургана Бакса близ Пантикапея. Рубеж V-IV вв. до н. э.

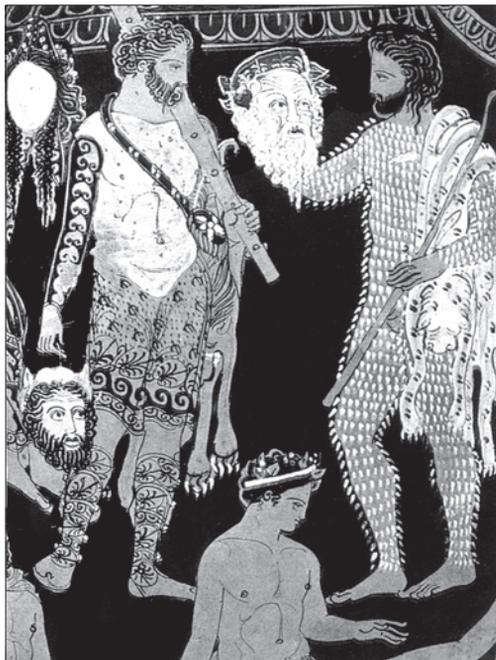
Рис. 18. Геракл среди богов и участников Элевсинских мистерий. Краснофигурная пелика из Павловского кургана близ Пантикапея 360-350 гг. до н. э.

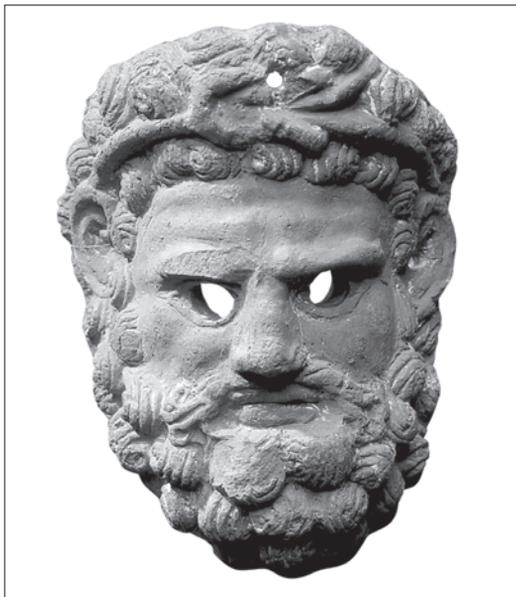
Рис. 19. Геракл, участник Элевсинских мистерий. Золотая бляшка из кургана Большая Близница (Тамань). 330-300 гг. до н. э.

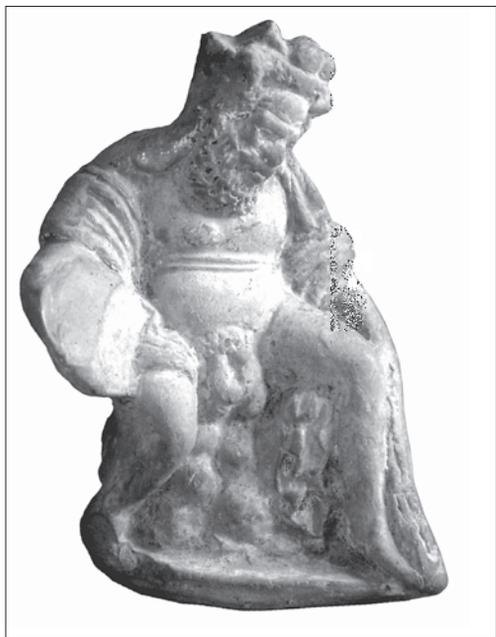
Рис. 20. Геракл, освобождающий Тесея из Аида. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 360- 350 гг. до н. э.

Рис. 21. Актеры в театральных костюмах с масками Геракла и Паппосилена. Часть росписи краснофигурного кратера из Руво. Начало IV в. до н. э.

Рис. 22. Трагическая маска Геракла. Терракота из Пантикапея. II- I вв. до н. э.

Рис. 23. Сидящий пьяный Геракл. Терракота из кургана Большая Близница на Тамани. IV в. до н. э.

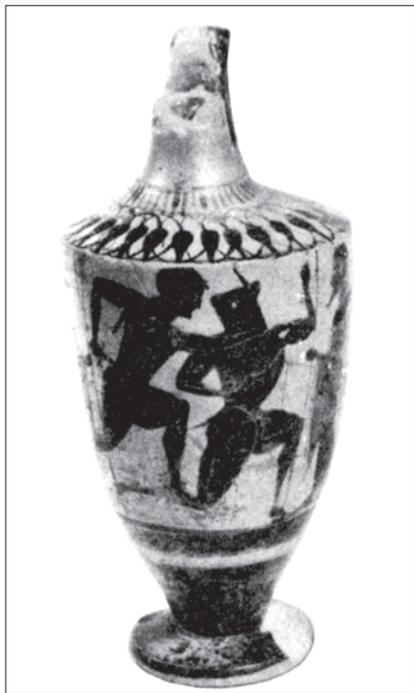
Рис. 24. Геракл, приносящий жертву богине острова Хриса перед отправлением в Трою. Краснофигурная пелика из кургана Бакса близ Пантикапея. 400- 390 гг. до н.э.

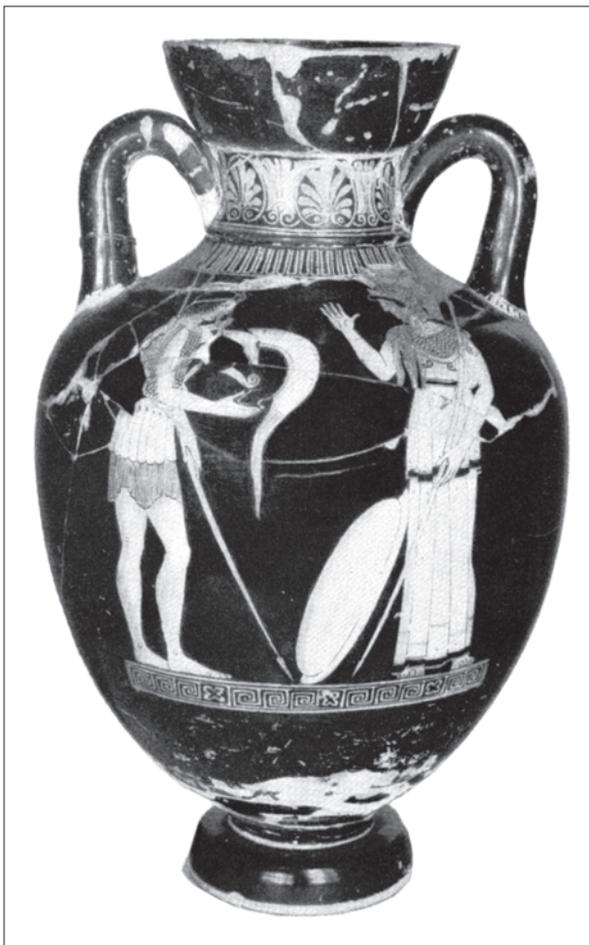
Рис. 25. Диоскуры в сцене мифа о Парисе и Елене. Прорисовка картины на краснофигурном лекифе из Пантикапея. 380- 365 гг. до н. э.

Рис. 26. Диоскуры в сцене мифа о Парисе и Елене. Прорисовка картины на краснофигурной гидрии из Пантикапея. 380- 365 гг. до н. э.

Рис. 27. Борьба Тесея с Минотавром. Чернофигурный лекиф из Пантикапея. Начало V в. до н. э.

Рис. 28. Тесей и Афина. Краснофигурная амфора из Нимфея. 460 гг. до н. э.

Рис. 29. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия из Пантикапея. Начало V в. до н. э.

Рис. 30. Обезглавленная Медуза и ее сестры. Чернофигурный скифос из раскопок Березани. 500 гг. до н. э.